

ТАМ, ГДЕ ЦВЕТЁТ РОСЯНКА

Дневник ссыльного натуралиста

18+

A. R. N.

**Там, где цветёт Росянка.
Дневник ссыльного натураста**

«Автор»

2026

N. A. R.

Там, где цветёт Росянка. Дневник ссыльного натураста /
A. R. N. — «Автор», 2026

1836 год. Уездный город Вятка. Дмитрий Ракитский — ссыльный студент-естественник, осуждённый за участие в политическом кружке. Материалист от мозга до костей, человек скальпеля и факта. Он изучает то, что умерло миллионы лет назад, и верит: наука способна объяснить всё. Пока однажды на болоте не встречает Кикимору. Вместо того чтобы бежать, Дмитрий пытается изучить её — как учёный. Измерить пульс. Проверить температуру. Но объект его исследования — не ископаемое, не растение, не безмолвный образец под стеклом, а мёртвая девушка с трагической судьбой, которая одновременно и убийца, и жертва. Что делать, когда твой научный подход терпит крах? Можно ли понять душу с помощью скальпеля? Где грань между изучением и любовью? И можно ли простить себя за то, что кажется непростительным? «Там, где цветёт росянка» — это книга о столкновении рационализма с иррациональным. О травме, которая не проходит. О любви, которая не может длиться вечно. И о цветке-хищнике, который меняет всё.

© N. A. R., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
Предисловие публикаторов	6
Глава 1 «Ссылка»	7
Глава 2 «Новый друг»	13
Глава 3 «Деревня»	22
Глава 4 «Возвращение»	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Там, где цветёт Росянка. Дневник ссыльного натураста

Аннотация

1836 год. Уездный город Вятка. Дмитрий Ракитский — ссыльный студент-естественник, осуждённый за участие в политическом кружке. Материалист от мозга до костей, человек скальпеля и факта. Он изучает то, что умерло миллионы лет назад, и верит: наука способна объяснить всё.

Пока однажды на болоте не встречает Кикимору.

Вместо того чтобы бежать, Дмитрий пытается изучить её — как учёный. Измерить пульс. Проверить температуру. Но объект его исследования — не ископаемое, не растение, не безмолвный образец под стеклом, а мёртвая девушка с трагической судьбой, которая одновременно и убийца, и жертва.

Что делать, когда твой научный подход терпит крах? Можно ли понять душу с помощью скальпеля? Где грань между изучением и любовью? И можно ли простить себя за то, что кажется непростительным?

«Там, где цветёт росянка» — это книга о столкновении рационализма с иррациональным. О травме, которая не проходит. О любви, которая не может длиться вечно. И о цветке-хищнике, который меняет всё.

Автор: A.N.R.

18+

Предисловие публикаторов

Дневник, который вы держите в руках, был обнаружен летом 2024 года группой краеведов-энтузиастов, обследовавших заброшенные дворянские поместья на юге Нижегородской области. В усадьбе, некогда принадлежавшей Анне Александровне Северовой (в девичестве Ракитской), в подвале разрушенного флигеля был найден дубовый сундук. Внутри, среди истлевших тканей и рассыпавшихся бумаг, лежали три предмета: тетрадь в кожаном переплёте, пачка писем, перевязанных выцветшей лентой, и небольшая деревянная рамка под стеклом.

В рамке была засушена росянка — болотное растение-хищник. К сожалению, стекло треснуло, и при извлечении цветов рассыпался в пыль. Сохранилась только ботаническая зарисовка, вложенная между страниц дневника, и запись, объясняющая происхождение этого необычного гербария.

Автором дневника оказался Дмитрий Александрович Ракитский — студент-естественник Императорского Санкт-Петербургского университета, сосланный в Вятку в 1836 году за участие в студенческом кружке. Его записки охватывают период с 1 июня 1836 года по 14 июля 1837 года и представляют собой уникальное свидетельство жизни ссыльного дворянина в провинциальной Вятке. Однако ценность этого документа не только в исторических деталях: перед нами — дневник человека, пережившего встречу с необъяснимым и попытавшегося осмыслить её средствами науки.

Специалисты, ознакомившиеся с рукописью, склонны объяснять описанные в дневнике события отравлением болотными газами, спровоцировавшим галлюцинации, а также посттравматическим расстройством, вызванным смертью профессора Вальтера — наставника, которому Ракитский, судя по тексту, был глубоко привязан. Другие указывают на сходство отдельных эпизодов с фольклорными сюжетами о «болотных девах» и допускают, что автор мог обработать местные легенды, выдав их за личный опыт. Так или иначе, верить или не верить Дмитрию Александровичу — решать читателю. Мы же воздержимся от окончательных суждений.

Письма, найденные вместе с дневником, адресованы Анне Александровне Северовой и охватывают более поздний период. Они будут опубликованы отдельным изданием. Судя по всему, именно Анна, получив дневник от брата незадолго до его смерти, сохранила его — и с ним ту самую росянку, засушенную между страниц.

Дневник публикуется впервые, с сохранением авторской орфографии и стиля. Все рисунки, встречающиеся на страницах, выполнены рукой автора.

При этом, для удобства читателя редакторами дневника было принято решение разделить записи Д.А. Ракитского на отдельные главы и добавить сноски с пояснениями по тексту.

Приятного чтения.

Глава 1 «Ссылка»

1 июня. 1836 год

Интересное приключение выходит.

Помню, как Аннушка со слезами на глазах вложила мне новенький дневник под сюртук и обняла, оставив мокрый след на груди.

— Детьми мы мечтали уехать далеко. Теперь ты едешь! Почти что путешествие. Ты только вернись, Митенька... Вернись и поведай мне и маменьке, что было с тобою, расскажи нам всё-всё.

Жандарм¹ подхватил грубо меня под руку, завёл в коляску и крикнул возничему: «Ну! Езжай!»

Матушка, не выдержав, со слезами на глазах устремилась за повозкой, сестра не переставала рыдать. Женщины, право, что с них взять. Я глянул было в окно, но кони мчались столь быстро, что увидеть успел я только смытые силуэты.

Такой будет первая запись в моём дневнике. Хочу, чтобы помнил я сам, как я получил этот дневник и с чего всё началось.

«Новый дневник — новая жизнь», — говорил мне мой друг, однокурсник, заядлый поэт и романтик.

Сейчас я сижу в сырой подвальной комнате при почтовой станции. Здесь пахнет унынием. Как бы описать этот запах?

Пахнет плесенью, жиром, грязным бельём. Окна нет, потому запах будто впился мне в кожу, и, кажется, я уже не смогу от него отмыться.

Еду я, будучи ссыльным арестантом, в г. Вятку². Считаю, почти что Сибирь. Лучше, конечно, Поволжье! Вятская губерния зажата меж Пермской землёй с востока, а с юга — Нижегородской и Казанской. Однокурсники мои рыдали, услышав приговор о ссылке в Пермь. Я было думал, что и меня туда сошлют — всё ближе к Уралу, к древним породам, к каменной летописи, о которой профессор Вальтер рассказывал с таким жаром. Но увы — Вятка. О ней профессор почти ничего не говорил. Городишко, если я правильно помню карты, стоит на равнине, ничем особо не примечательный. Впрочем, кто знает: может, и здесь, гуляя по скалистым обрывам, я найду что-нибудь любопытное. Ну это если, конечно, мне позволено будет гулять.

От уныния спасает меня лишь тяга к науке. В каком-то смысле это действительно «интересное приключение», как сказывала моя сестрица!

Профессор Вальтер, мой горячо любимый, почти старший брат... С каким вдохновением он рассказывал нам, молодым студентам, птенцам, об ископаемых, минералах, животных, растениях и других естественных изысканиях жизни.

Необычайного ума, деятельности и живости — профессор Вальтер, настоящий натуралист. Андрей Генрихович... Я его так, редко называл, разве что в те вечера, когда, оставшись наедине в его университетской квартирке, он говорил мне:

— Дмитрий! Вы лучший ученик на моём курсе, такой живости ума я давно не видел, вам судьба — вершить открытия науки!

В такие моменты он крепко обнимал меня, и наутро, после долгих разговоров о науке, я счастливый, с улыбкой возвращался домой, чтобы проспять часа три-четыре перед учебным днём, искренне верил в его слова.

¹ В Российской империи — конный полицейский. 1827 году был создан Отдельный корпус жандармов, который выполнял функции политической полиции.

² С 1934 года город Вятка называется Киров. Это — город в России, административный центр Кировской области. Расположен на реке Вятке, в 896 км к северо-востоку от Москвы. Входит в Приволжский федеральный округ.

И почему именно я, а не кто-либо другой, пытался вразумить профессора от его безумных идей о создании этого нелепого кружка? Почему я, а не он, говорил: «Профессор Вальтер, неужели декабрь двадцать пятого³ вас ничему не научил? Я был ребёнком, но помню: матушка плакала, слуги шептались. Кого-то из дальней родни взяли. А вы — „мы садовники“. Садовников, профессор, тоже ссылают. Или вешают»?

— Ну полно тебе, Ракитский! — отвечал он мне, улыбаясь и поправляя очки. — Тоже мне бунтовщики! Мы — деятели науки, и кружок наш — науке и просвещению посвящён, а не царевбийству и переворотам, мы книжки читаем, науку обсуждаем! — Переходя на шёпот и наклоняясь ближе ко мне, как будто сам себя утешая, говорил он.

А теперь что? Нынче я, по прошествии полугода в тюрьме, будучи арестантом, с волчьим билетом⁴, сижу в этой дурно пахнущей комнате, жандарм храпит за стеной, чернила почти кончились, а бумага только началась.

А профессор... Не хочу об этом писать... Как подумаю, что он сидит теперь в Алексеевском равелине и ждёт милости императора, а главное — за что? За то, что мы читали Ламарка⁵ и Гольбаха⁶?

Знаешь, дневник, глядя на эти пустые страницы, я как будто заранее ненавижу тебя, сознавая, чем же они будут заполнены.

Ну, хватит на сегодня, рука устала, да и свеча почти затухла. Завтра ехать ещё, пока лошадям дурно не станет.

15 июня. 1836 год

В дороге уже вторую неделю. Большая часть пути кончена, и скоро я окажусь на новом месте.

Нет ни малейшего желания описывать, какие ужасы пришлось мне пережить в дороге. Тряска, переправа через реку, грязь, голод — и без бумаги не забуду.

Жаловаться, конечно, странно. Я помню, сам мечтал после рассказов профессора Вальтера уехать в экспедицию — на Урал, на Восток, в неизведанные края! А ведь Андрей Генрихович рассказывал, как дико там было: вокруг чужаки, та же вечная тряска, такая же грязь, дождь, невзгоды... Но то — наука! А у меня... Бойся своих желаний. Так, вроде, говорят? Хотел в экспедицию — ну что же, вот она и есть, так что глупо мне клянчить у судьбы большего комфорта.

Хорошо хоть здоровье у меня с рождения крепкое, болезни редко берут. А вот Захар мой, кажется, разболелся не на шутку. Жар, озноб — хорошо ещё, лихорадки нет. Да и немудрено: считай, шестой десяток пошёл!

Отговаривали его ехать со мной всем семейством.

А он упёрся, старый глупый дурак!

— Куда же молодой барин без меня? Как батюшка-то покинул мир наш бранный, так я Митеньку с малолетства знаю. А сейчас — ой, горе-то какое! В ссылку ведь едет! Нет, я с ним поеду. Дай бог, помогу чем в дороге, угляжу, услужу. Да и вам, барыня, спокойнее будет, что с Дмитрием Александровичем свой человек в края дальние отправляется.

³ Имеется в виду, восстание декабристов — попытка государственного переворота, которая состоялась 14 (26) декабря 1825 года на Сенатской площади в Санкт-Петербурге. Его организовали члены Северного тайного общества с целью недопущения вступления на престол Николая I, упразднения самодержавия и отмены крепостного права.

⁴ В учебных заведениях «волчьим билетом» называли исключение без права поступления в другие казённые учебные заведения.

⁵ Жан-Батист Ламарк (1744–1829) — французский естествоиспытатель, который создал первую целостную теорию эволюции живого мира.

⁶ Поль-Анри Гольбах (1723–1789) — французский философ немецкого происхождения, писатель, энциклопедист, просветитель. Систематизатор материалистических и атеистических взглядов эпохи Просвещения. В 1830 году духовная цензура запретила его книгу «Обеденные беседы» за идеи, «противные христианской нравственности, правительству и религии».

А выходит, что не он за мной ходит, а я за ним. Вот шутка-то какая!

Лекарей здесь толковых нет, нанять некого. Вокруг вотяки одни необразованные, да глухомань. Чем они помогут? Хорошо, что, отвары этот народ делать умеет — в травах разбираются. Запросил у них липовый отвар да банку мёда. Пришлось самому Захара отпаивать да с ложки кормить — хорош будущий учёный!

Задержались из-за этого происшествия на целый день дольше в вотяцкой избе. Ой, и кричал же служивый! Ногами топал, даром что в грудь себя не бил. Я тоже не дурак, понимаю: выговор в первую очередь с него будет. Но что тут поделаешь, если камердинер мой заболел! Лежит горячий! Нужно человеку отоспаться.

Хорошо, что Захар, будто почувствовав всю важность своего выздоровления, быстро встал на ноги.

Осталось ехать буквально пару дней.

Одно радует: едем летом. Страшен только дождь, но его пока не было. Завтра снова в путь.

19 июня. 1836 год

Добрались до г. Вятки. Сразу с дороги повели меня, заспанного, грязного и неумытого, к полицмейстеру на получение отметки. Не осталась незамеченной наша задержка в дороге — потребовали сразу объяснения. Сказали правду, как всё было. Тем более Захар продолжал выглядеть больным и уставшим. Вопросов далее не последовало.

После получения отметки меня повели на знакомство к местному губернатору Тюфяеву!⁷ Я не поэт, много писать мне не хочется, скажу только, что человек этот — крайне грузной наружности и тяжёлого характера.

Не было никаких сил противиться его язвительным комментариям, и после недолгого знакомства меня отправили смотреть нынешнее рекомендованное жильё.

Денег у меня с собой было довольно, так что квартиру удалось снять недурную. Не сравнится, конечно, с отцовским поместьем, но жить можно весьма сносно. Дом каменный, в три этажа — для Вятки большая редкость; здесь почти всё в два этажа, а этот возвышается над улицей, словно столичный. Мне даже нравится, что квартира моя на третьем этаже: чем выше, тем дальше от уличной суеты, да и вид из окон хорош.

Соседи всё приличные. Один только дебошир имеется этажом ниже, но он чаще спит и почти безвылазно живёт в кабаках, так что шуму от него немного. Правда, рядом, через дом сердобольная купчиха содержит что-то вроде богадельни для сиротских детей — оттуда весь день, а иногда и ночь, доносятся детские крики, визги и прочая кутерьма.

Живу я здесь два дня, так что, может, ещё и привыкну. Квартирка не самая плохая, чистая и довольно просторная.

В квартире у меня три комнаты. Одна — скромная спальня, где я сейчас и нахожусь: шкаф платяной, умывальник, кровать. Там же, у окна во двор, примостился маленький столик с зеркальцем — видно, для туалета. Я, признаться, обрадовался ему куда больше, чем письменному столу в зале. Тот хоть и большой, добротный с резными ножками, но стоит неудобно, свет падает сбоку, да и служит он мне вечерами для нудной канцелярской работы. А этот мал, прост, но стоит близко к окну. За ним я и пишу по обыкновению. Еще есть комната — гостиная, она же зала: диван, кресло, тот самый большой стол, который я невзлюбил. Третья комната, у самого входа, — Захарова каморка. Там уж места немного: сундук, тумба да лавка спальная. Двери от него в мою спальню — через залу. Мне нравится, что нас разделяет зала и я могу чувствовать вечерами покойное уединение от его извечных хлопот.

⁷ Кирилл Яковлевич Тюфяев (1778—1845) — русский государственный деятель: пермский, минский, тверской и вятский гражданский губернатор, вице-губернатор Кавказской и Пензенской губерний.

По еде за отдельную плату удалось договориться с владельцем дома: местная кухарка будет мне готовить и приносить завтраки, обеды, ужины и так далее. Главное — вовремя с вечера предупредить, чего хочется. Сразу, конечно, сказали, что выбор блюд несколько ограничен, но по прошествии двух дней от отравления пока не слёг, да и на вкус недурно.

Захар, встав на ноги после болезни, уже всюю завёл знакомства с местными, договорился с прачкой, носит моё бельё в стирку — хожу чистый. Так что, если этот дневник будет читать маменька, ей будет приятно.

В общем, быт у меня налажен. Про мою работу напишу позже — это столь нудное занятие, что от одной мысли у меня глаза закрываются.

Завтра, если погода позволит, после канцелярских дел хочу на берег реки Вятки прогуляться, местную флору и фауну оценить. Быть может, найду экземпляр для гербария или зарисовки — всё лучше, чем переписывать в канцелярии бессмыслицу с одной бумаги на другую.

20 июня. 1836 год

Как и обещал, сходил после службы на прогулку по городу — до реки не дошёл, бумагами нагроулили излишне, не успел бы до темноты.

После обеда, г. Вятка, показался мне очень приятным местом. Симпатичные домики в один-два этажа, много церквей белокаменных, есть аптека, торговые ряды. Интересное открытие дня — это наличие в городе общественного парка, открытого официально только год назад.⁸

Парк правда, выглядел прелестно, много деревьев, цветы высаженные в ровный ряд по краям аллеи. Особенно меня впечатлила круглая ротонда с колоннами — работа местного архитектора.

Прогулка по городу заняла прилично времени, и на берег спуститься я не успел. Вернулся домой только лишь с новыми впечатлениями и без образцов для изучения. Схожу завтра — завтра суббота, рабочий день будет короче.

21 июня. 1836 год

Наконец-то прогулялся до берега реки, в честь которой был назван город. Река большая, много судов ходит по ней; долго искал обрыв, свободный от рабочего люда.

Не хочется признаваться, но ничего интересного на обрыве — даже после двухчасовых поисков в грязи — найдено мною не было.

Попадались лишь обломки битого кирпича да речные ракушки — ничего стоящего. Кажется, здешние берега не так богаты ископаемыми, как я надеялся. Или мне просто не повезло. Впрочем, для науки и отрицательный результат — тоже результат. Так, кажется, говорил профессор Вальтер. Утешает слабо.

По пути обратно насобирав местных растений — всё достаточно обыденные, но для начала составления отчёта подойдёт.

Перечислю:

Trifolium pratense — клевер луговой, обычный и в Петербургской губернии;

Plantago major — подорожник большой;

Chrysanthemum leucanthemum — «ромашка» в простонародье, или нивяник;

Leontodon taraxacum — одуванчик лекарственный.

Профессор Вальтер, помнится, говорил, что некоторые выделяют его в особый род *Taraxacum*, но я пока держусь старой системы — из уважения к Линнею.

⁸ Вероятнее всего имеется в виду Александровский сад — центральный и один из старейших парков города Кирова. В декабре 1835 года с позволения императора сад получил название «Александровский» в честь наследника престола, будущего царя Александра II.

Подробного описания делать не буду — растения самые обычные. От скуки уже дома зарисовал одуванчик.

Хочу отметить, что по пути к квартирке без стеснения разглядывал местный люд. Я естественник и люди, для меня имеют тот же интерес к изучению, что и другие животные. Большая часть жителей ближе к вечеру торопилась домой; дамы неспешно прогуливались со своими кавалерами, задирая нос от важности до небес. Школяры — студенты мужской гимназии — бегали по улицам друг за другом. Торгаши кричали, кто громче, лишь бы продать подороже.

Ни одного умного лица замечено не было.

22 июня. 1836 год

Сходил сегодня приличия ради на службу в церковь, что была ближе ко мне. По счастью, именно там встретил некоторых чиновников из канцелярии — может, они перестанут шептаться обо мне как о «недалёком мальчишке».

После прогулялся до почты: на имя моё было письмо от маменьки и сестрицы. Отправил свой ответ с кратким пересказом всего, что я описал ранее в дневнике.

Письмо от маменьки и сестры было до смеха предсказуемым, но я, если быть полностью откровенным, был крайне рад получить весточку из дома. Так рад, что перечитал его раз шесть после получения.

Глава 2 «Новый друг»

23 июня. 1836 год

Нынче случилось невероятное! Оказалось, после болезни вышел на работу А. И. Герцен!⁹

Меня сразу же представили ему. Он молод, как и я, — тоже ссыльный по политическому делу за студенческий кружок! Из Москвы. Свезло ему: успел окончить курс, как и я — физико-математический! Кандидат!

Уже после, придя в свою квартирку, я вспомнил, что, кажется, читал несколько его эссе. Помню, меня особенно впечатлила его заметка «О землетрясениях».

Вот удача-то! Пообщаться мы право успели немного, говорили в основном на тему учёбы; он рассказал, как в Московском университете дела обстоят. У них с вольнодумием как будто лучше — больше энтузиастов. Наш кружок и тот, книжки всего лишь читал! Но всё равно, куда там... Запрещённые книжки на то и запрещённые — вот где я из-за них оказался. Он, думается, тоже искренне обрадовался встрече. Я было начал разговор о мшанках и других ископаемых, которые являются темой моей основной учебной работы, но он как-то быстро перевёл тему. Может, не расслышал. Или мои мшанки ему не интересны.

Жду завтрашний день, надеюсь снова его увидеть.

24 июня. 1836 год

Сегодня вновь видел Герцена! Так рад обществу чиновников я ещё не был — счастье встретить здесь человека такого ума и образованности.

Он пригласил меня завтра на ужин к нему и А. Л. Витбергу.¹⁰ Я будто слышал его имя, где-то и крайне рад, что смогу пообщаться с ним лично: Герцен о нём отзывался восторженно.

25 июня. 1836 год

Уже за полночь, мне не спится. Бессонница. Руки дрожат, голова ватная — кажется, зря я выпил столько вина. Язык мой — враг мой! Поругался с Герценом. Ерунда какая-то вышла. Он, конечно, совсем не прав в своих суждениях, но и мне не стоило так резко... К тому же на званом ужине.

И что я завтра делать буду? Как в глаза ему смотреть? Как подумаю об этом, так в дрожь бросает. А не пойти — ещё хуже: он поймёт, что я из-за него больным прикидываюсь.

Ладно. И не такой позор выносил — может, ещё сможем найти общий язык. Я, конечно, в нём сильно разочаровался. Надо же так! Такой учёный мог бы быть, а он... Но обо всём по порядку. Хочу понять, в какой момент всё пошло не так. Хочу систематизировать.

Часов в пять вечера я начал собираться на ужин — оставался час, и я был на взводе.

Словно девица, я думал, что мне надеть, как мне причесаться — ну право, будто на бал с кавалером собираюсь. Руки потели страшно, и перчатки, которые я примерял, пришлось убрать в грязное бельё.

⁹ Александр Иванович Герцен (25 марта [6 апреля] 1812—9 [21] января 1870) — русский писатель и философ, сторонник утопического социализма, один из лидеров круга «революционных демократов», педагог. В июле 1834 года Герцен вместе с другими членами кружка был арестован по ложному обвинению в распевании пасквильных песен, порочащих императорскую фамилию. В апреле 1835 года Герцен был выслан в Пермь, а оттуда в Вятку, где и был определён на службу в канцелярию губернатора.

¹⁰ Александр Лаврентьевич Витберг (15 (26) января 1787 — 12 (24) января 1855) — русский художник и архитектор шведского происхождения, академик архитектуры. Известен как автор неосуществлённого проекта храма Христа Спасителя в Москве и проекта Александро-Невского собора в Вятке. За злоупотребление доверием императора Витберг был сослан в Вятку.

— Барин, вы бы поели хоть что-нибудь? Тут кухарка щи принесла, хлебу свежего — вкусно так, совсем ведь вы голодные! И не горбитесь! Барыня мне строго велела перед уездом напоминать вам, а то вы так скоро аки знак вопросительный будете.

В ответ я пророрчал что-то в духе:

— Нет аппетита, Захар, не мучай ты меня, отстань! — Но спину выпрямил. Негоже к образованным людям идти сгорбившись.

Захар, в то время поправляя мне жилет, продолжал:

— А чего вы, барин, так переживаете? На ужин же идёте, а не на суд, ей-богу!

— Ну на суде я уже бывал — чего мне там опасаться? А тут меня пригласили к учёным. Конечно, я переживаю: сам-то я... студент только. Хорошо бы здесь в друзьях иметь людей просвещённых.

Захар помог мне одеться, я велел ему оставить меня. На столе был суп.

Из зеркала на меня смотрел до крайности встревоженный человек. Неужели это я? Худощавый и угловатый, волосы растрепаны, сколько я бы их ни укладывал. Я не помню, когда в последний раз был у цирюльника — надо бы подстричься. На щеке у горла виднелся постыдный расчёс после бритья.

Попытался вновь уложить волосы гребнем. После того как я кончил вертеться перед зеркалом, как студент перед экзаменом, я, всё ещё недовольный своим внешним видом, нервно уселся на кровать, обхватив себя руками.

«У Герцена уже медаль золотая имеется, а у тебя что... Работа о мшанках, и та не закончена, наверное, и не будет...» — подумал я в тот момент.

Действительно, моя работа, написание которой я потратил почти год, сейчас, наверное, лежит пылиться в пустой ныне квартире профессора.

Ладно! Нужно собраться — что же я, не девчонка всё-таки, так переживать из-за какого-то ужина! Я встал, поправил смятую постель, провёл рукой по волосам, оттянул фрак, нервно потрепал запонки на рукавах и глянул на остывший суп.

«Может, всё-таки перекусить перед ужином?» - Подумал я «Чтобы не съесть слишком много и не выставить себя дураком?» Суп, однако, словно услышал меня и, не желая быть съеденным, съёжился под моим взглядом, покрылся масляной плёнкой и выглядел совсем неаппетитно.

Я глянул на часы. Они показывали половину шестого.

Выйдя на свежий воздух, мне стало лучше. Он приятно обжигал мои лёгкие, придавая решимости и спокойствия душе и телу.

Я направился к дому куда был приглашен. Вятка маленький город, всё рядом, так что я решил не заказывать повозку и прогуляться пешком — тем более времени было ещё много.

Учась в Петербурге и живя в отцовском имении, я обожал гулять пешком и ненавидел ездить в повозках. Если у меня была возможность пройти лишние пару вёрст, чем трястись в экипаже, я всегда её использовал.

Потому сейчас прогулка по свежему воздуху, особенно в такой приятный тёплый вечер, знатно успокоила мои нервы.

Усадьба, куда меня пригласили, выглядела внушительно: три этажа, колонны, сквер и берёзовая роща.¹¹ Прежде чем ехать, я навёл справки о друге Герцена — порасспросил чиновников в канцелярии и быстро вспомнил, где слышал его имя раньше. Кажется, ещё в Петербурге, на одном из балов, сестра пересказывала мне эту историю как скандальную сплетню.

¹¹ Вероятнее всего, имеется в виду усадьба Жмакиных (её главный дом чаще называют «Дом Витберга») — один из памятников архитектуры Кирова. По некоторым данным в этой усадьбе А. И. Герцен и А. Л. Витберг снимали вместе комнаты.

Витберг не был архитектором в строгом смысле слова — он числился академиком живописи, а императорский конкурс выиграл скорее как художник-мистик: его грандиозный эскиз храма, полный масонской символики, поразил воображение императора. Когда же строительство застопорилось и вскрылись чудовищные растраты, вину за воровство подрядчиков и чиновников возложили на самого Витберга.

Шёл я, впрочем, не к Витбергу — вернее, не только к нему. Герцен квартировал с ним в одной усадьбе и эта близость, кажется, переросла в настоящую дружбу.

Я вошёл внутрь, и меня сразу встретил улыбающийся Герцен. У меня с души как камень упал: я улыбнулся ему в ответ, и мы прошли в зал.

Герцен выглядел безупречно, хоть и несколько небрежно, если так бывает. Он был чрезвычайно расслаблен, много шутил и любезно представил меня всем своим друзьям.

В общем зале собралось человек десять, кажется, не меньше. Я не считал всех поголовно. А может, и считал... Скуки ради...

Были здесь другие ссыльные — их было немного, в основном поляки, были и местные представители образованного круга: художники, начинающие поэты, писатели. По именам всех не запомнил, увы. Не было времени произвести зарисовку и описание. Именно так бы едко пошутил надо мною Александр Иванович, если прочитал бы мои записи. Ведь единственное, что я вижу дальше своего носа, — это наука, что делает меня ограниченным человеком во всех смыслах этого слова!

Но я забегая вперёд.

Мы сели ужинать. Я обратил внимание, что друг Герцена на удивление скромен, тих и как будто излишне задумчив. Со мной он успел разве что при знакомстве перекинуться парой фраз — приличия ради, — и на этом наш разговор сошёл на нет.

Во время ужина я, кажется, излишне испил вина. Честно признаться, я, словно молодой мальчишка, только что окунувшийся в удивительное состояние опьянения, восторгался всему вокруг. Безумной красоты были люстры, столы, картины. Убранство было достаточно скромным, но обстроено со вкусом.

Когда мы переместились в гостиную, запахи еды сменились запахами дома. Пахло красками, углём и восковыми свечами. Было видно, что хозяева, даже находясь в бедственном финансовом положении, старались создавать в доме уют.

Герцен не отходил от меня весь вечер, и поначалу наши беседы были крайне приятны — в основном говорил он. Рассказывал о своей жизни и мыслях по поводу местного чиновничества, рассказал пару нелепых случаев из статистики. Особенно меня повеселил рассказ о мальчике женского полу.¹² Я, кажется, давно так не хохотал.

После я всё же попытался завести разговор о науке и начал было хвалить его работу «О землетрясениях».¹³ Он отвечал на мои комментарии прохладно и без особого интереса. Кажется, из приличия спросил о моих работах, но слушал он не особо внимательно. Один лишь раз он спросил, отчего меня так занимает «мёртвая наука». Признаться честно, я не особо понял в тот момент его вопроса и как-то перевёл эту тему.

Тут он развеселился и попросил разрешения рассказать про одну из его последних работ — называлась она «О месте человека в природе». ¹⁴ Я, кажется, не был с ней знаком, поэтому с радостью согласился.

¹² Александр Герцен рассказал историю о «мальчике женского пола» в очерке «Былое и думы». Суть истории: у одного крестьянина родилась дочь, которую он хотел назвать Василисой. Однако пьяный священник, не разобравшись, записал в метрическую книгу другое имя — Василий.

¹³ Александр Иванович Герцен написал статью «О землетрясениях» в 1830 году. В своей работе Герцен размышляет о природе землетрясений, их неизбежности и признаках, которые могут им предшествовать.

¹⁴ Философское эссе Александра Ивановича Герцена «О месте человека в природе» было написано в 1832 году. Александр Герцен размышляет о том, какое положение занимает человек в мироздании, и пытается понять связь человека с природой.

Начал было он рассказ с мыслью крайне любопытных: происхождение жизни, развитие животного и растительного мира. Но по мере того, как он углублялся в суть своих размышлений, моё разочарование уже нельзя было скрыть.

Из его рассказа я понял, что человек для него выше всяких животных и является чуть ли не главной целью всего замысла.

— Чем же человек отличается от животных? — говорил он. — Самопознанием, мышлением. Далее и идти незачем.

А после и вовсе начал нести какой-то мистический бред про душу и про то, что «свободный человек может всегда отделиться от материи и переселяться на родину духа своего».

Но окончательно я вышел из себя, когда он принялся критиковать самого Линнея!

— У Линнея человек соединён в один порядок с обезьянами и нетопырями... Он называет его венцом творения, даёт эпитет *sapiens*¹⁵ и прибавляет, как бы на смех, *nosce te ipsum*.¹⁶

А после и до Окена¹⁷ добрался, и до меня...

Дальше, кажется, он, видя мои поджатые губы и недовольный вид, решил, что будет прелестной шуткой, как бы невзначай, покритиковать и меня, и мои увлечения: «Грубый материализм, изрезанный на анатомическом столе», — кажется, как-то так он выразил своё отношение к деятельности натуралистов.

Он отвлёкся от общих размышлений и обратился прямо ко мне. Глаза его блестели — не зло, но с каким-то весёлым, почти мальчишеским вызовом, словно он приглашал меня в игру, правил которой я не знал.

— Вот вы, Ракитский, осмелюсь заметить, твердите мне всё про мшанки... Я не смеюсь, право. Но скажите мне, положив руку на сердце: каков глубокий, истинный смысл вашего изучения? Что вы пытаетесь познать в этих отпечатках прошлых неудач Творца? Или вы, вслед за вашим Линнеем, полагаете, что классификация уже и есть познание?

Я молчал. Чувствовал, как кровь приливает к лицу, но не находил слов. А он, будто не замечая моего недовольства, подсел ближе и заглянул мне в глаза — участливо, почти ласково, но в этой ласковости я видел едва уловимую насмешку.

— Не обессудьте, вы напомните мне одного моего родственника. Дядя мой, человек неглупый, всю жизнь провёл за колбами и ретортами. Домашние звали его «химиком». ¹⁸ Он всё классифицировал, описывал, записывал... А под старость остался один, в пустом доме, среди своих банок и таблиц. Семьи не завёл, состояния не нажил, и даже имя его вряд ли кто вспомнит через десяток лет. Я, признаться, с детства боялся такой судьбы.

Он замолчал, ожидая моего ответа.

Я сжал зубы. В висках стучало. Вспомнился профессор Вальтер, его квартира при университете, моя незаконченная работа о мшанках, оставленная при аресте. Вспомнилась матушка, которая в каждом письме спрашивает, когда я «образумлюсь и вернусь к настоящей жизни». Вспомнился этот проклятый городишко, куда меня сослали неизвестно за что — и откуда мне теперь не вернуться к прежней жизни. Исключён без права восстановления. Я больше не студент. Чиновник вятской канцелярии без будущего.

Моё молчание затянулось — кажется, прошла минута другая, — и я не выдержал.

— Вы, Александр Иванович, кажется, всё уже для себя решили, — выдавил я наконец.

¹⁵ Разумный (пер. с латинского языка).

¹⁶ Познай самого себя (пер. с латинского языка).

¹⁷ Лоренц Окен (Lorenz Oken, настоящая фамилия — Оккенфус) — немецкий естествоиспытатель, натурфилософ, общественный деятель, представитель шеллингианства.

¹⁸ Алексей Александрович Яковлев — двоюродный брат Александра Ивановича Герцена, известный под прозвищем «Химик». Он был умным, образованным и увлечённым естествознанием человеком, жившим отшельником.

Герцен, явно восхищённый тем, что мне, кажется, нечего ответить, ухмыльнулся и перевёл взгляд в другую сторону.

Я решил продолжить:

— Вы так много говорили сегодня о философии — я так понял, она вас явно увлекает. Философия! Красивое слово. Только вот что она дала миру, ваша философия? Линней дал систему — и мы знаем, как устроена природа. Кювье дал сравнительную анатомию — и мы понимаем, как устроены животные, как лечить людей. Ньютон дал законы небесной механики — и мы знаем, по каким правилам движутся планеты. А ваши мыслители? Что дали они? Слова. Красивые, туманные, бесполезные слова. Ими можно упиваться на званных вечерах или тешить самолюбие, воображая себя пророком, — но ими нельзя познать природу. Природа, Александр Иванович, не нуждается в ваших фантазиях о духе. Она просто есть. И человек в ней — такое же животное, как и все прочие. И за вашими размышлениями о величии человеческого сознания никогда не скроются простые биологические факты о том, что мы с вами не выше и не ниже обычного ежа, мы — часть этого мира.

Я замолчал, переводя дыхание. В висках стучало. И тут меня понесло — уже без всякой оглядки на приличия:

— Знаете, что я думаю? Вы просто боитесь. Боитесь признать, что мы всего лишь мясо и кости, что никакой «родины духа» нет, что после смерти — только черви и тлен. И вместо того, чтобы честно смотреть в эту бездну, вы строите себе уютный мирок из красивых слов. «Дух», «самопознание», «свободный человек» ... Это всё костыли. Костыли для ума, который не выдерживает правды. Мой профессор Вальтер учил меня смотреть на мир без этих костылей. И за это сейчас гниёт в Алексеевском равелине¹⁹. А вы рассуждаете о возвышенном, сидя здесь, в тепле и уюте!

Герцена, кажется, явно задели мои слова, и я отметил, что теперь он смотрел в пол поджав губы.

Кажется, сказанное мною из-за вина было сказано слишком громко. В то время как мой оппонент рассказывал свои едкие мысли мне почти что на ухо, в недопустимо интимном расстоянии, я свои озвучил громко — во всеуслышание.

Понял я это, когда в комнате стало необычно тихо. Меня обдало жаром — думаю, со стороны я выглядел как намазанный свекольным соком. От смущения я не нашёл, как оправдаться, и решил просто уйти. Большого я придумать не смог. Сконфуженно поднявшись, я коротко попрощался с Витбергом и, как пуля из мушкета, вылетел прочь.

Оказавшись на улице, я приложил руки к шее — она была горячая, голова кружилась, шейный платок, казалось, обзавёлся разумом и решил меня задушить. Я небрежно стянул его с шеи и быстрым шагом пошёл по направлению к себе.

Вернувшись домой и всё ещё пребывая в крайней степени нервности и смущения, я принялся рыться в дорожных сундуках. Захара, как назло, нигде не было. После четверти часа поисков мне удалось извлечь с самого дна, из вороха старых студенческих записок и журналов, сложенный вчетверо листок.

Это был мой самый первый, ещё очень неумелый рисунок колонии мшанок. Я сделал его, кажется, лет в восемнадцать, когда только-только познакомился с профессором Вальтером. Он подарил мне образец и велел зарисовать. Я тогда лишь начинал свой путь в познании ископаемых и, помнится, даже не сразу понял, что именно вижу перед собой. Помню своё искреннее недоумение и мысль: «А что тут, собственно, рисовать?»

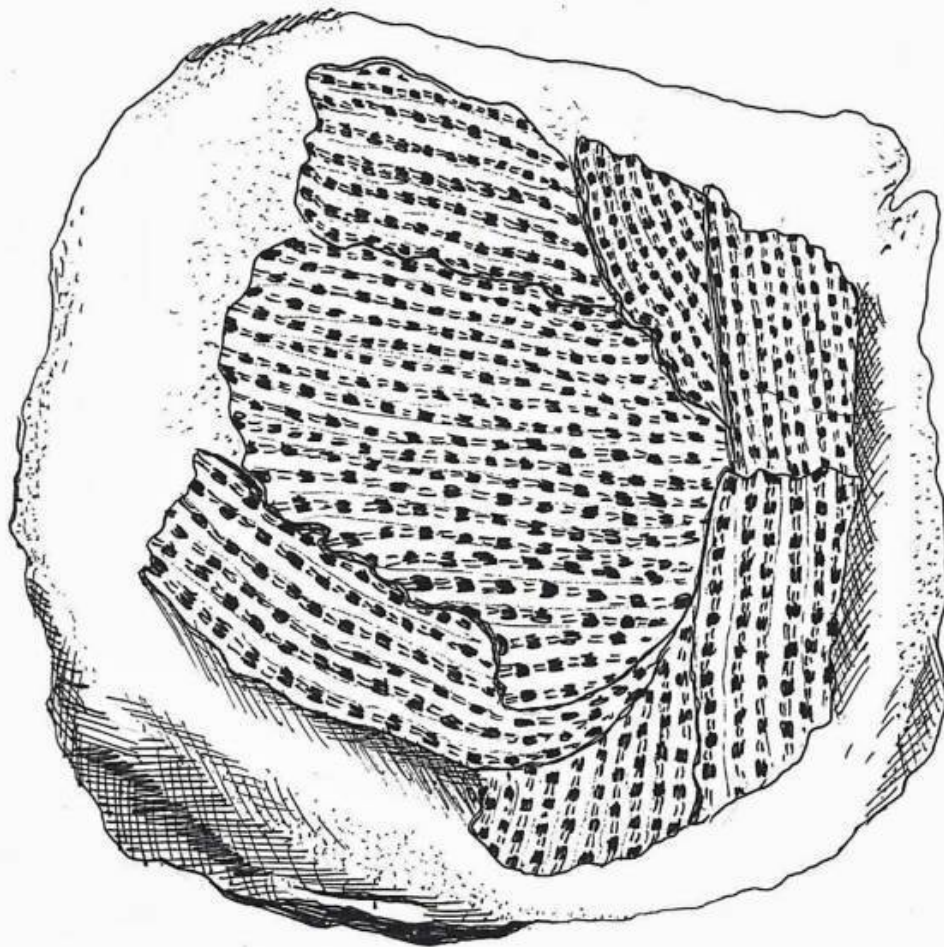
¹⁹ Алексеевский равелин — вспомогательное фортификационное сооружение в составе Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге. Среди заключённых равелина — декабристы, петрашевы, народовольцы.

— Это, Ракитский, *Bryozoa*²⁰, или, по-нашему, мшанки, — с задумчивым видом произнёс тогда Андрей Генрихович, перебирая другие образцы. — Живут большими колониями. Удивительно древние существа, причём их родственники и поныне обитают в тёплых морях. Поразительно! Эти простейшие создания видели, как сменялись миллионы лет, как одни виды вымирали, уступая место другим. Зарисуйте этот образец как следует и научитесь видеть красоту в малом. Тогда вы никогда не будете одиноки.

И я увидел. Я увидел эти тонкие, словно кружево, веточки, что складывались в целые узоры невероятных хитросплетений. Я сделал тогда множество набросков этих неприметных существ. Методично, линия за линией, перенося чернилами их богатую историю на бумагу, я испытывал невероятный трепет и в то же время — глубокое, ни с чем не сравнимое спокойствие.

Герцен этого не понимает. Для него это — «мёртвая наука». А для меня она — самая живая.

²⁰ Мшанки (лат. Bryozoa, также Ectoprocta) — это тип первичноротых беспозвоночных животных. Они исключительно водные, преимущественно морские, в большинстве случаев прикрепленные организмы, которые образуют колонии. Мшанки появились на Земле в начале ордовикского периода, около 487 миллионов лет назад. Успешно адаптировались к современным условиям и продолжают населять морские и пресноводные водоёмы. Насчитывается более 6 тысяч современных видов мшанок.

Колония мшанокъ. Вкухова ср.

Кажется, на этом описание вечера можно закончить.

Сейчас, уже переосмыслив всё, я думаю, что моему новоприобретённому другу стало просто скучно, и он решил развеселить свои серые будни, посмеявшись надо мной. А я, слишком резко восприняв его слова, наговорил ему всякого. Нынче мне стыдно. Хотя хочу отметить, что, если бы я мог вернуться в прошлое, я не отказался бы от своих слов, но сказал бы их

гораздо тише и мягче — и в таком случае это не произвело бы такого эффекта на окружавшую нас публику и не выставило бы меня таким дураком.

Что делать — не знаю, полагаю, ничего. Завтра новый день — займусь вплотную работой и составлением отчёта о местной ботанике. Эти занятия всегда меня успокаивали и помогали отвлечься от мыслей, а это то, что мне сейчас нужно.

26 июня. 1836 год

Ну что же. Констатируем факт: я жив, меня не забросали камнями в канцелярии и не погналы вилами. Хотя это было бы странно: чиновники, с кем я служу на вечере не были и о позоре моём не знают.

Хотя, думаю, я больше переживаю из-за разговоров, кои могут развиваться из-за моего вчерашнего поведения. На ужине было много творческих личностей, а у них с фантазией — будь добр: понапридумывают сейчас про меня всякого. Как бы скоро я своими натуралистами размышлениями не стал в глазах местной общественности антихристом или ещё чем похуже.

Но пока вроде спокойно. Герцен даже поздоровался — достаточно сухо, но было видно, что сильной обиды он на меня не держит. Боюсь, правда только потому, что воспринял он мою речь как бредни малолетнего студента, разгорячённого вином. Хотя разница наша в возрасте составляет от силы пару лет. Но он явно более высокого о себе мнения, чем обо мне.

Я решил не думать об этом часто. Хоть событие и порядком потрясло мой ум, я, как и обещал, ушёл в бумаги. Сегодня даже попросил взять часть дел на дом, лишь бы чем-то заняться.

29 июня. 1836 год

Сегодня у меня был свободный день. После воскресной службы в церкви (куда я хожу теперь исправно — не ради веры, а ради того, чтобы не давать лишнего повода для сплетен) я принялся исследовать недавнюю находку. Отыскал в канцелярии прелюбопытнейший труд: «Вятская флора» Александра Ивановича Вештомова²¹, здешнего краеведа и ботаника. Вештомов, говорят, был учителем и водил учеников на прогулки — собирать растения. Вот человек, который понимал, что такое настоящая страсть к науке. Жаль, что мы не встретились.

Вдохнувшись, решил выйти на прогулку в парк — там цветы срывать неприлично, — поэтому, дойдя до самой реки, я вновь начал обследовать берег. Хорошего обнажения я не нашёл, но на мое удивление, после трёхчасовой прогулки я наткнулся на первое ископаемое: отпечаток *Brachiopoda*.²² Найденный мною образец крайне дурной сохранности, но ценности он для меня имел на вес золота. Вот оно — уникальное свидетельство миллионов лет.

Жаль, поделиться мне не с кем. Сестра и матушка не оценят моего восторга, а Герцен и подавно. Единственный, кому было не всё равно на мои увлечения и страсти, — это Андрей Генрихович. А он сейчас... В общем, пока что со всей находкой я один.

3 июля. 1836 год

Сегодня получил письмо от сестры. Она пишет, что очень скучает по мне. Странно: когда я последнее время был рядом, мне всегда казалось, что я её утомляю своими беседами о науке.

²¹ «Вятская флора» — это рукописный труд Александра Ивановича Вештомова (1768–1831), первого историка и краеведа Вятского края. Работа была создана в 1809 году и представляет собой первое подробное описание растений, произраставших в регионе.

²² Брахиоподы (лат. Brachiopoda), или плеченогие — это тип морских беспозвоночных животных. Внешне брахиоподы напоминают двустворчатых моллюсков, но это сходство конвергентное — то есть возникло независимо в результате адаптации к сходному образу жизни, а не отражает близкое родство. Главное отличие в том, что у брахиопод створки раковины закрывают тело не с боков, а со спинной и брюшной сторон.

Хотя при ней я старался об этом сильно не рассказывать — она же девушка, ей такое не понять: не женского это ума дело.

Матушка, по всей видимости, до крайности озабочена моим положением и старательно использует влияние и связи, дабы сократить время моего пребывания в ссылке. Пока что время моё неопределённо: сказано было «покуда государь не разрешит вам вернуться» — звучит ужасно, учитывая, что этого может и никогда не произойти.

6 июля. 1836 год

За прошедшие выходные ничего интересного не произошло.

Хотя ладно, так и быть. Есть одно событие достойное дневника. Ко мне в кабинет в канцелярии зашёл не кто иной, как Александр Иванович. Он, кажется, смирил гнев на милость и, вероятно, снова заскучал по моему «материальному» обществу. Сказал, что предлагает забыть наши разногласия и снова встретиться, предложил прогуляться завтра по парку, обещал показать самые живописные виды на реку.

Я, по всей видимости, слишком остро ощущаю одиночество, так что, как бесхребетная медуза, сразу, не думая, согласился. Сказал, что не чувствую на него никакой обиды, и мы договорились о времени.

15 июля. 1836 год

Мы стали дружны с моим бывшим приятелем. К своему другу он меня больше не звал, но прогулки после канцелярии стали почти традицией. Хотя мы и во многом разных взглядов на жизнь, теперь эти темы поднимаем в разговоре нечасто. Больше говорим о жизни, о жизни нашей прошлой, о семье, о городе — в общем, можно сказать, «сплетничаем», словно молодые барышни в салоне.

Но я, признаться, слишком одинок, чтобы отказываться от общества столь начитанного и умного собеседника. А Герцен именно такой. Его яркие, живые описания происходящего здорово поднимают моё настроение и вселяют надежду на лучшее. С ним действительно интересно.

Один раз мы даже напились вина и до рассвета болтали о всякой ерунде. После, спев крайне дурно строевую песню «Взвейтесь, соколы, орлами!», пытались изображать из себя марширующих солдат.

Захар, когда я вернулся, почти падая с ног, только головой покачал и пробормотал неразборчиво что-то в духе: «Срамота, барин, ой негоже, срамота-то какая...» После помог мне раздеться, а на следующее утро (хорошо, что это было воскресенье) отпаивал меня огуречным рассолом.

Тем временем мои исследования в натуралистке Вятского края зашли в тупик. Новых находок не было, гербарий я собирал, но всё, что мне попадалось, было наукой ранее изучено.

Посмотрим, куда всё это меня заведёт.

Глава 3 «Деревня»

17 июля. 1836 год

Сегодня в канцелярии случилось событие, которое я, пожалуй, запишу как «занимательное». Ближе к полудню меня вызвали в управление. Оказалось — не провинился, а, напротив, удостоился чести. Проработав около месяца, я, сумел показать себя усердным, внимательным и ответственным — слова эти были произнесены с такой торжественностью, будто меня награждали медалью за военную кампанию. Я даже поймал себя на неловкой, совершенно неуместной улыбке.

Суть в следующем: мне выдали подорожную и велели отправляться в деревню Зараменскую²³ для проверки ревизских сказок²⁴ и составления статистического описания. По пути надлежит остановиться на пару дней в Кукарке Яранского уезда ²⁵ — подправить отчёты и передать документы. На все это «путешествие» мы было выделено чуть более недели.

Признаться, несмотря на всю комичность сцены, я был искренне рад. Это хорошая возможность увидеть новые места, вырваться из городских стен, ближе познакомиться с простым народом. Здесь, в Вятке, мне остро не хватает природы настоящей и дикой. Парк — это прекрасно, но поля, луга, болота и скалистые обрывы для меня всегда были лучшим местом для отдыха и размышлений.

Ещё ребёнком я любил убежать с сестрой от нянечек и слуг в лес при имении. Там мы, разодевшись «робинзонами», лазали по деревьям, собирали палки для шалаша и воображали себя на необитаемом острове. Позже, повзрослев, именно в этих лесах я начал вести свой первый натуралистский дневник — зарисовывал растения, записывал наблюдения. Это решило мою судьбу: поступив на физико-математический факультет, отделение естествознания, я уже не сомневался, что свяжу жизнь с познанием мира.

Профессор Вальтер, надо отдать ему должное, при каждой возможности устраивал нам, студентам, выезды за город — для наглядной практики и составления правильных отчётов. Так что опыт полевых исследований у меня, несмотря на всю мою «изнеженно-дворянскую» наружность, имеется самый основательный.

Уже дома я сверился с картами. Убедился, что близ Зараменской — порядочные леса, а в Кукарке и вовсе небольшие скальные обрывы. И, право воспринял предстоящую поездку как ту самую «медаль за особые достижения». Смешно, до чего я дошёл, будучи поневоле отрезанным от единственного, что по-настоящему люблю.

Захар, узнав о назначении, рвался ехать со мной, но я наотрез отказался, вспоминая, как тяжело он перенёс прошлое путешествие, не хватало мне еще в поездке опять с ним возиться. Поворчав с полчаса, он, кажется, обиделся, но принялся готовить сундуки и провизию с удвоенным усердием.

Повозка заказана на раннее утро. Пора кончать записи и ложиться. Завтра — в путь.

19 июля. 1836 год

По приезде в Кукарку меня представили местным чиновникам, которые видимо пребывали в настоящем ужасе от приезда человека с главного управления, и я признаться от Захара никогда не слышал никогда столько «с», что в какой-то момент это начало меня сводить с ума.

²³ Зараменьё — деревня в Советском районе Кировской области в составе Родыгинского сельского поселения.

²⁴ Ревизские сказки — это документы, которые фиксировали результаты подушных переписей (ревизий) податного населения Российской империи в начале XVIII — второй половине XIX века.

²⁵ Советск — город в Кировской области, административный центр Советского района. До 1918 года носил название Кукарка.

«Добро пожаловать-с, пройдемте-с, присаживайтесь-с, будет ли вам угодно-с, вот бумаги-с, будьте добры-с, распишитесь здесь-с» и так далее до бесконечности. Не знаю уж, что у них тут с отчетными бумагами, но ошибок, кажется, придется мне исправить немало. Ознакомившись с частью документов, я уже нашел с пол дюжины. Если так дело пойдет я не успею совершить свою прогулку по окрестным обрывам.

Остановился я в доме местных купцов. Они тоже сильно усердствовали с обращениями, но уже не так назойливо. Здесь дальше от Вятки я заметил явную особенность в говоре жителей. В центре губернии видно из-за большого количества приезжих, местное «оканье» от коренных жителей я замечал нечасто, да и справедливости ради, знакомств таких не имел в достаточном количестве.

Здесь же говор был столь причудлив и обладал таким большим количеством странных местных словечек, что я поневоле начал записывать.

Вместо «есть» говорят «ести», вместо «спать» — «спати». Частицу «то» приставляют к каждому второму слову: «куда ходил-то?», «ести-то будешь?». А ещё беспрестанно вставляют «буди» в значении «может» или «наверное».

Вот ещё несколько диких слов, что я услышал за день:

«Давеча» — недавно.

«Баско» — красиво.

«Ноне» — сегодня.

«Пошто» — почему.

Говор у них тягучий, слова растягивают на последнем слоге, словно нехотя. И прежде, чем ответить, непременно переспросят вопрос — будто им нужно время раскачаться. Спросил сегодня: «Далеко ли до реки?» Хозяин посмотрел на меня, помолчал, переспросил: «До реки-то?» И только после паузы ответил: «Да не, недалече. Версты три буди». Я едва сдержал улыбку.

Надеюсь, завтра успею разобраться со всеми отчетами часов до двух дня, но надежды на это немного.

20 июля. 1836 год

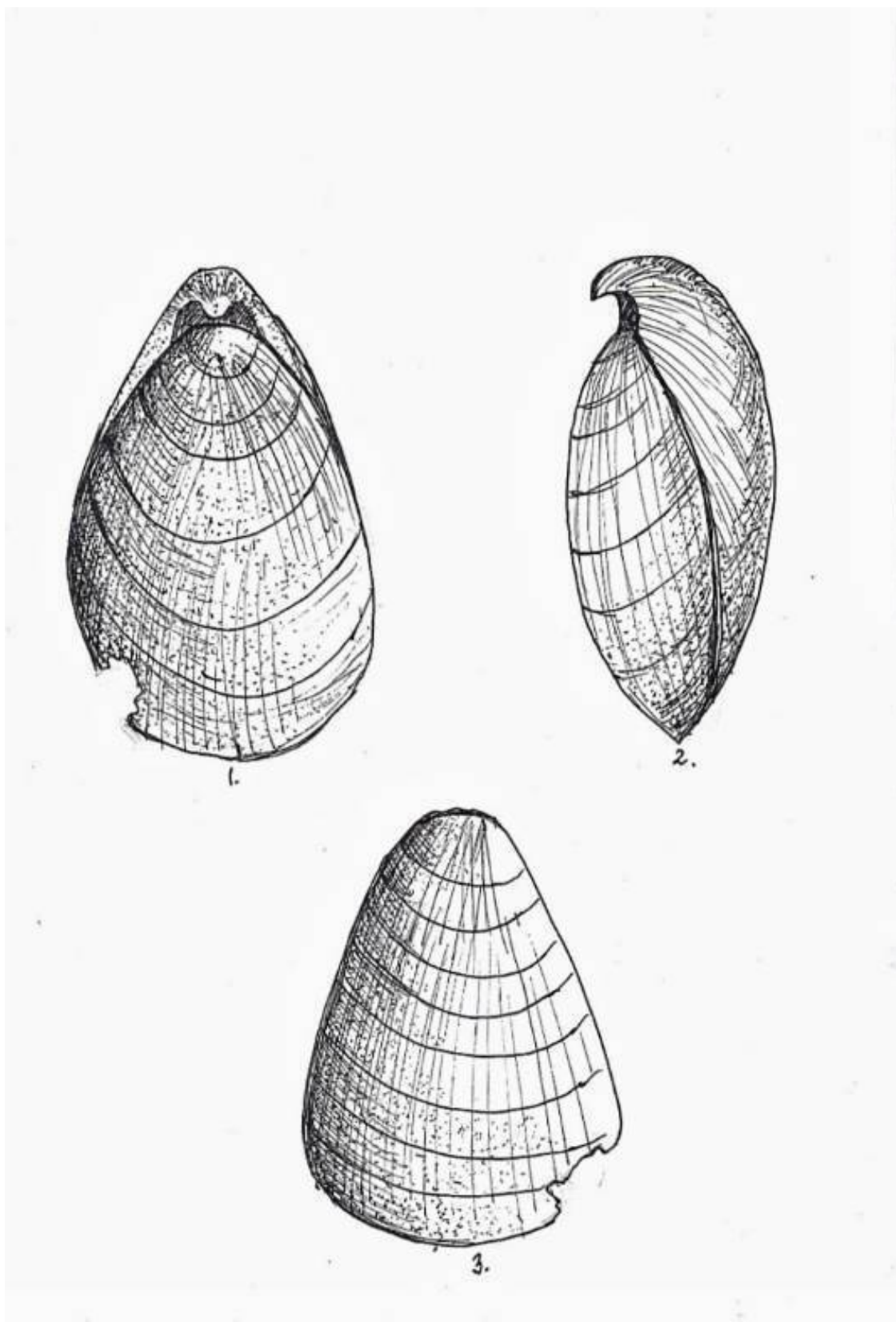
Свершилось! Именно так хочу начать сегодня свою запись. Проявив какое – то мистическое усердие в работе, я успел кончить до двух часов и заручившись помощью местного крестьянина, который вызвался за пару медяков сопроводить меня к реке, я все-таки смог совершить свое небольшое исследование.

Берег оказался именно таким, как я надеялся. В склонах оврага хорошо видны разные слои: мергелистые и известковистые песчаники и слоистые известняки. Известняковые обнажения, подмытые рекой, открывали взгляду то, что скрывалось в недрах земли миллионы лет. После часа поисков мне попало несколько члеников морской лилии.²⁶

После, приглядевшись, заметил раковину брахиоподы хорошей сохранности. Определить точно вид пока сложно, но скорее всего это *Dielasma elongata*. Я сидел на корточках, в земле, испачкав сюртук и забыв о времени, разглядывал эти хрупкие свидетельства древней жизни. Мужик смотрел на меня с явным недоумением — что барин нашёл в этих "камушках"? Но мне было всё равно. Впервые за долгое время я чувствовал себя почти счастливым.

Зарисовал сегодня брахиоподу.

²⁶ В палеонтологии морская лилия (научное название — криноидеи, класс Crinoidea) — это ископаемое морское животное, которое изучается как представитель группы иглокожих. Название связано с внешним сходством с цветком на стебельке. Известны с нижнего ордовика, то есть появились на Земле около 488 миллионов лет назад. Существуют и в наши дни, известно 700 их видов.

22 июля. 1836 год

В деревне работы оказалось куда больше, чем я предполагал. Весь вчерашний день ушёл на сверку списков, опросы и составление итоговых ведомостей. К вечеру руку сводило судорогой, а голова шла кругом от крестьянского гомона. И если в Кукарке я дивился причудливой речи купцов и чиновников, то здесь главной моей работой сделалось — понять, чего от меня хотят.

Иные мужики изъяснялись так, что я переспрашивал по трижды. Вот, к примеру, сегодняшней гость: «Барин, у мене-то лонись робёнок родился, а в бумагу-то не вписан буди, пошто так-то?» Говорил он на удивление скоро и каждую букву «О» старательно выпячивал. Решив, видимо, что я глуховат, с каждым разом он повышал голос, так что под конец уже почти кричал. Наконец я понял, о чём речь, и пообещал разобраться.

И это только два дня минуло. Глядя на кипу списков, с которыми мне предстояло свериться, я начал сомневаться, что успею оценить местную флору в её естественном виде, а не только через окошко избы, где меня поселили.

Живу я у местного зажиточного земледельца по имени Ермолай. Он оказался мужиком лет сорока, коренастым и кряжистым, словно вековой пень. Борода тёмно-русая, с ранней проседью, глаза голубые, светлые, глядящие исподлобья. Чувствовалась в нём та особая, хозяйская степенность, которая даётся не годами, а умением ладить и с землёй, и с людьми. Держался он с достоинством. Его, как человека справного, выбрали старостой, и изба его на фоне прочих заметно выделялась — белёными наличниками да просторной, не по-крестьянски ладной баней. С хозяином мы, можно сказать, сошлись — и свела нас, как ни странно, беда.

Младшая дочь Ермолая, девчушка лет двух, слегла неделю назад в сильной лихорадке. Отец, рассказывая о том, сокрушался и принимался извиняться, что жить мне придётся не в приготовленной заранее комнате, а почти в проходной, где ютится всё семейство. Девочку же решили переместить, боясь, как бы я не подхватил заразу. Из научного любопытства я, напротив, попросился к больной, подумал, что смогу помочь.

Здесьняя бабка-знахарка, сказывали, с месяц назад пропала. Пошла на болото за травами и сгинула. Больше её никто не видел. Крестьяне в один голос винили в том некую «Кикимору». История показалась мне престранной, но мало ли что придумает тёмный народ.

К западной медицине я всегда питал здоровый скепсис. Лечить каждый кашель кровопусканием и каломелем²⁷ — верх, по-моему, невежества. Природа дарит нам столько целебных растений — к чему эти варварства над больным телом?

Осмотрев девочку, я попросил принести ивовой коры, липового цвета да сушёной малины. Сготовил отвар и велел поить несколько раз в день. Пишу эти строки уже после вечернего визита и могу сказать с уверенностью: лучшего лекарства, чем отвар ивовой коры, ещё не открыто. Жар спал, дыхание выровнялось, и, кажется, малютка пошла на поправку. Ермолай смотрел на меня с таким благоговением, что мне сделалось неловко.

На сегодня запись окончу. Впереди ещё два дня работы. Надеюсь, управиться раньше и вырваться на болото. Несмотря на мрачную историю со знахаркой, страха перед «гиблым местом» я не испытываю — подле нашего имения болот было вдоволь, и как вести себя на трясине, я знаю. Полон решимости совершить вылазку.

Буду верить, удача наконец улыбнётся, и я найду росянку²⁸ — удивительное растение, что питается насекомыми. Под Петербургом, сколько ни искал, ни разу её не встретил. Андрей Генрихович говорил, что в нашей губернии она вовсе не редкость, и даже показывал образцы, но мне, видно, судьба не благоволила. Надеюсь, здесь повезёт.

²⁷ Каломель — это хлорид ртути (II). В XIX веке её применяли как лекарственное средство, несмотря на токсичность. Врачи прописывали каломель при различных заболеваниях, считая, что она помогает справиться с недугом.

²⁸ Росянка (лат. *Drosera*) — род плотоядных (насекомоядных) растений семейства Росянковые (*Droseraceae*). Это многолетние травы, которые в условиях обеднённых почв (например, на болотах, песчаниках, в горах, лесах) развили уникальный способ питания — ловлю и переваривание насекомых.

23 июля. 1836 год

Ну и дикий же народ здесь живёт! Как можно быть такими упёртыми? Стоило мне лишь заикнуться Ермолаю, как бы пробраться к болотам, — он в ответ знай одно твердит: «Каки таки болота, барин? Гиблое место, никак вам туды нельзя!»

Я ему объясняю: «Я учёный, человек опытный. Я под Петербургом вырос, по болотам с детства бегал. И доложу: ваше болото против нашего — просто лужа. А я, как видите, жив-здоров и даже Кикимору вашу ни разу не встречал. Так что бросьте дурью маяться. Я сверился со списками — завтра после полудня управлюсь и успею ещё до лесу дойти».

Он ни в какую. Одно твердит про «девку болотную». Я, конечно, сказки о ней слышал, но в том-то и дело, что сказки. Я и помыслить не мог, чтобы взрослые мужики в бабы байки верили.

А Ермолай знай своё.

— Побойтесь Бога, барин. Не ходите туды. Мы тут живём уж не один десяток годов. Народу там сгинуло — почитай, с полдюжины, не мене. А с месяц назад Марфа-повитуха — сунулась на дурну голову, и сгинула. Нехороше там место. Чертовщина там творится. Кому и выжить удавалось, те опосля из дому носу не кажут, ума решаются. Чай, поп и тот приезжал лонись, ходил туды, воду святую лил — так как пришёл, так и ушёл. Старухи болтают, теперича в монастыре сидит. Нельзя барин, туды. Сгубите душу. И пошто? Ради травинки да цветочков, чтоб им пусто было? Не пуцу. И не просите.

И ведь действительно решил не пускать, старый пень. Двери на ночь запер, весь день с меня глаз не сводит. Но это всё пустое. Сегодня приходили с парой крестьянских мужиков, мальчишки — для рекрутской записи. Медяки мои снова службу сослужили: путь к болоту мне известен. Завтра твёрдо намерен отправиться.

И никакие байки местные меня не остановят.

24 июля. 1836 год

Безумие какое-то. Руки трясутся. Склепку с чернилами я уронил — разбилась вдребезги, на полу осталось черное пятно. Скорее всего, не отмоется. Ужасно стыдно перед Ермолаем. Хотя чернильное пятно, это последнее, за что мне должно быть стыдно перед ним.

В отсутствие чернил пишу карандашом.

Не могу подобрать верных слов, чтобы описать, что произошло. Но мне нужно, мне важно это записать, иначе я окончательно поеду головой.

Времени девятый час. Я и подумать не мог, что пробуду на болоте так долго. Надобно вспомнить всё с самого начала.

Как я и задумывал вчера, после полудня начал собирать вещи. Взял лёгкую дорожную сумку, сложил карандаши, нож, дневник, огниво с трутом, краюху хлеба со вчерашнего ужина и кусок сыра. Надолго я не собирался — планировал пробыть в пути не более часов двух. Но профессор Вальтер с первых занятий вбил нам, студентам, в головы: «Если идёте в лес без еды, огнива и ножа — вы не идёте в лес». Ежели какой студент являлся на практику без этого набора, от занятий его отстраняли и на выезды не допускали. С этим было строго.

Одного только у меня не было — самого важного. Палки. На болото без палки нельзя. Так что, натянув сапоги повыше, я отправился на поиски. Побродив с полчаса по деревне и обнаружив подходящую деревянную трость, я было двинулся к лесу, как вдруг чья-то тяжёлая рука легла мне на плечо.

— Побойтесь Бога, барин. Не пуцу вас. Петруньке-то моей уж вовсе хорошо стало. Сердце мое нехорошее чувствует. Худо будет.

— Ермолай! Хватит нести чушь! — не выдержав, почти крикнул я. — Не знаю, что у вас тут за беды с болотами, но ты не вправе мне указывать. Помни своё место. — Сказав это, я густо покраснел и сбросив его руку и быстрым шагом направился к лесу.

— Барин, помилуй... Дак пустите хоть с вами пойду! Куда ж вы одни-то? Где ж это видано, чтоб на болото да одному? Вы говорили опытни в делах энтих, а я окромя палки ничего и не вижу. Палка-то она и в деревне палка. А кто ж тащить вас будет?

Я хмурился. По правде, я и сам прекрасно знал это правило. Но сколько я ни предлагал медяков и даже серебряных — никто не соглашался быть провожатым. Все лишь крестились, да убегали от меня, как от прокажённого.

Я молчал. Ермолай шёл за мной с угрюмым видом. По дороге он тоже нашел себе палку. Дальше мы шагали вдвоём.

Чем дальше в лес, тем ближе мы жались к соснам — там, где корни, земля твёрже. Шли минут сорок, я то и дело сверялся с карманными часами. Вскоре по обилию багульника, клюквы и мха стало ясно: мы у цели. Трясина.

Я велел Ермолаю остановиться и палкой проверяя каждый шаг, вышел на поиски росянки.

Первое, что поразило меня, — обилие орхидей *Gymnadenia conopsea* 29²⁹. Среди мха, словно крошечные лиловые фонарики, были разбросаны их причудливые соцветия. Я замер, разглядывая их — эти хрупкие создания, нашедшие приют среди суровой трясины. Казалось, сама природа в насмешку над унылым болотом расставила здесь свои лучшие драгоценности.

Рядом с ними, едва заметные, белели скромные звёздочки *Parnassia palustris*. 30³⁰ Их тонкие лепестки светились в полумраке, словно маленькие огоньки. Я стоял, забыв о времени, и смотрел на этот дивный покой. Всё вокруг дышало какой-то древней, нечеловеческой тишиной. Лишь изредка крик невидимой птицы разрезал тяжёлый, влажный воздух.

Вскоре, будто очнувшись от наваждения, я вспомнил о цели и, быстро сделав карандашные зарисовки, двинулся ещё глубже. Вглядываясь в полог мха, я осматривал каждый клочок болота. Воздух здесь был густым, влажным, пропитанным терпким, дурманящим запахом багульника — сладковатым и одновременно тревожным, как предчувствие беды.

И вдруг — увидел её. Росянку *Drosera*.

Красными огоньками она ярко выделялась среди бледной зелени. Вот она. Если бы я был неразумной мошкой, то непременно подлетел бы к этим удивительным листьям, униженным каплями, похожими на росу, оставшуюся после дождя. Не зря растение зовётся росянкой: липкое вещество, которым пропитаны листочки, и впрямь неотличимо от капелек влаги. Завораживающее зрелище. Увы, для мошки знакомство с этим чудом природы стало бы последним: прилипнув к листу, она послужила бы отличным ужином для этого цветочка.

Я не мог упустить такой экземпляр. Аккуратно, вместе с корневищем, извлёк росянку из трясины, бережно завернул в платок и, глянув на карманные часы, решил, что пора возвращаться к Ермолаю. Стрелки показывали уже два часа пополудни. Обратный путь займёт не менее часа, по дороге ещё зарисовки... Я двинулся было в обратном направлении, как вдруг день сменился ночью.

Я поднял голову и не увидел неба. Клянусь, неба не было! Словно чёрный шатёр накрыл лес. И вместе с тьмой пришла тишина — неестественная, ватная, мёртвая. Ни птичьего крика, ни скрипа деревьев. Только мой собственный пульс, гулко отдающийся в висках. И запах. Сквозь сладковатую духоту багульника пробился другой — сырой, гниlostный, могильный. Так пахнет трясина, когда потревожишь её дно.

²⁹ Кокушник длиннорогий (лат. *Gymnadenia conopsea*) — многолетнее травянистое растение семейства Орхидные (Ятрышниковые).

³⁰ Белозор болотный (лат. *Parnassia palustris*, также известен как золотничка болотная) — многолетнее травянистое наземное растение.

От неожиданности я оступился, и нога моя тут же увязла в болоте. Я, однако, твердо решил не поддаваться панике. Быстро сунув росянку в сумку и повесив её на сук ближайшего дерева, я ухватился за ветки, стараясь принять горизонтальное положение, чтобы остановить погружение. Но где раньше была одна нога —увязали обе, и уже почти по колено.

В ужасе я все же задёргался — страшная ошибка всех утопающих, и меня начало засасывать ещё быстрее. Сделав глубокий вдох, я откинулся на спину и замер.

«Так, думай, Митя, думай! Ты не один. Это важно. Ты с Ермолаем. Нужно крикнуть ему — он услышит. Точно. Крикнуть. Так почему же ты молчишь?!»

Но рот будто чужая рука заткнула. Губы слиплись так, что я едва мог пошевелить языком. Пытаясь выровнять дыхание и сделав ещё два глубоких вдоха, я наконец издал подобие крика. Он получился хриплым и сбивающимся. После я крикнул ещё пару раз, пока голос вовсе не пропал. Тем временем тело мое продолжало уходить всё глубже и глубже. По всем земным законам, этого просто не могло быть! Я лежал на спине, цепляясь за корни и ветки, я лежал неподвижно — и всё равно меня тянуло вниз, словно кто-то ухватил за лодыжки ледяными пальцами и тащил в бездну.

Вскоре, надышавшись, болотными газами, я начал грезить. В моей голове жутким девичьим голосом прозвучала, кажется, детская считалочка. Она повторялась снова и снова, пока я погружался всё глубже, так что я успел запомнить её наизусть, постараюсь записать:

*«Горькая рябина...
Сладкая малина...
Кислая брусника...
Солёная слезинка...*

*Если плакать будешь ты —
Покусают комары.
Чтобы не кусали,
Спрячемся от мамы.*

*Посчитаем до пяти —
Нас уже не найти.
Убежали быстро,
Лишь звенели искры.*

*Кто остался — берегись!
Раз, два, три — остановись!
Стой так неподвижно,
Будто бы неслышно...»*

Не знаю, сколько прошло времени, по ощущениям, целая вечность. Странно: я много слышал и читал, что перед неминуемой гибелью человек вспоминает всю свою жизнь — детство, семью, близких. Говорят, так мозг пытается снизить уровень страха. Но у меня в голове не было ни маменьки, ни сестры, ни профессора Вальтера. Вообще ничего. Только туман. Только эта считалочка и этот голос. И запах тины, цветов и смерти.

Когда я ушёл в трясину почти по грудь и уже отпустил ветку, что-то, или кто-то, теперь я знаю, что кто-то, резко схватил меня за руку, а затем и под локти и потащил из болота, крича и ругаясь так громко, что я понемногу начал приходить в сознание. Разлепив веки, я тут же зажмурился от яркого дневного света.

— Очнитесь, барин! Очнитесь! — Ермолай, а это был он, несколько раз хлестнул меня по щекам, приводя в чувство.

Я, всё ещё в помутнении, начал подниматься, хватаясь за ветки и за его плечо. Успел заметить его глаз: расширенные, безумные, смотрящие куда-то мимо меня, в самую чашу. Он, всегда такой собранный, надёжный, сейчас казался растерянным и постаревшим.

— Страх-то какой! Ну и дурак же ты, барин! Не побоюсь я этого слова. Прикажи меня опосля выпороть — а я всё ж отругаю так, чтоб неповадно вам боле по гиблым местам шастать. Говорил же я! Просил же! Человек вы такой ладный, добрый, Петруньку мою на ноги подняли, а сами чуть не сгнули. Я ж вас потерял совсем. Хорошо, вы крикнуть успели, слух у меня отродясь хороший — на балалайке играю, заслушаешься! Нашёл вас, а вы уж почитайте покойничек. И ведь видел я её! Кикимору эту поганую, чтоб ей пусто было. Сидела тама, девка негодная, и ухмылялась. Я на неё крестом, а она токмо глянула, рожу свою нечистую скривила и раз — нету.

Долго ещё ругался Ермолай, а я только сумку свою с дерева снял и плёлся за ним на ватных ногах, не в силах вымолвить ни слова. Дошли мы уже часов в пять пополудни, сил у меня совсем не было, то и дело приходилось останавливаться. Весь хлеб и сыр съел Ермолай, мне же кусок в горло не лез. Только пить хотелось нестерпимо.

В деревне нас встретили переполошённые жители. Старосту уже потеряли, жена его в слезах места себе не находила. Дальше — всё как в тумане. Помню, как меня отвели в баню, отмываться от болотной нечистой воды. Помню, как уложили в постель, как всё семейство, склонившись надо мной, читало молитвы. Дальше — пустота.

Вечером

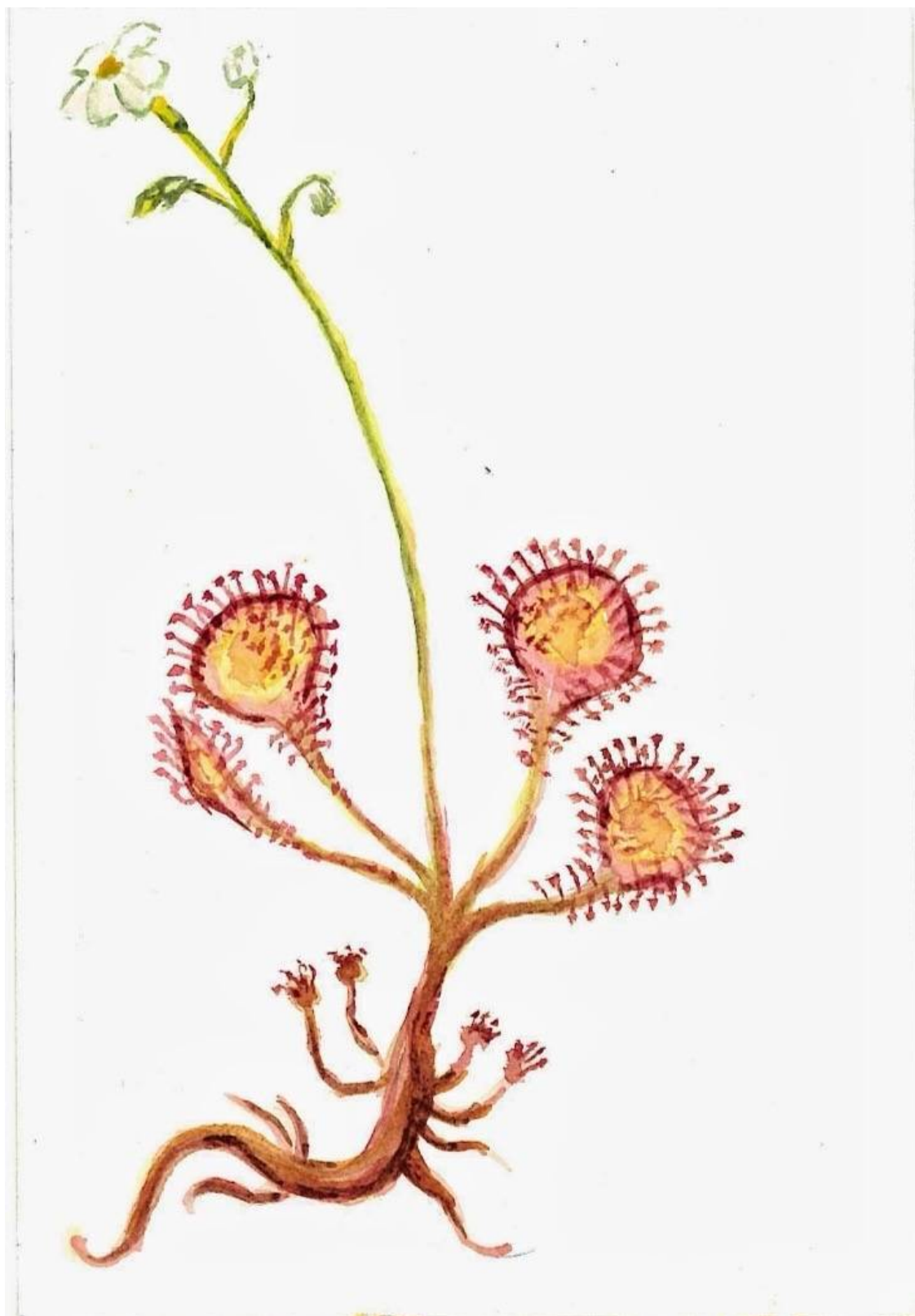
Проспав часа три, я проснулся. У лавки стояла плошка с наваристым куриным бульоном. Неужто ради меня петуха зарубили? Безумие. Но, почувствовав внезапный голод, я выпил всё до капли.

Судя по непривычной для обстановки, меня уложили в ту самую горницу, где раньше лежала больная. Интересно почему. Постепенно мне становилось легче, и я понял, что должен непременно всё записать.

Не могу взять в толк, как такое могло случиться. Я был осторожен. Там и болота-то глубокого не было, трясина, да и только. Как я оступился? Почему, лёжа на спине, продолжал тонуть? Откуда раздавалась эта проклятая считалочка?

Всему виной болотные газы. Когда я собирал росянку, уже успел надышаться ими, и под замутнённым сознанием свернул не туда. Там всё и началось. Так и было. По-другому быть не могло.

Что бы отвлечься от дурных мыслей, зарисовал росянку. Иначе зачем я ради нее жизнью рисковал.

Однако же чувствую жар. Кажется, после такого приключения у меня начнется лихорадка. И зачем я только не послушался Ермолая? Теперь висеть у семейства на шее несколько дней, да ещё в управлении меня потеряют... Нужно прилечь и отоспаться.

Хорошо, что Ермолай пошёл за мной. Я теперь ему до конца жизни обязан. А сейчас надобно поспать.

25 июля. 1836 год

Часы показывают четыре. В избе тишина. Только хозяйка уже поднялась и вышла во двор, должно быть, кормить скотину.

Я проснулся минут десять назад. Выпил квасу, он заботливо стоял у лавки, прямо у изголовья. Там же увидел плошку с отваром из ивовой коры. Видимо, вчера меня пытались им поить. Я выпил и его, хоть сделан он был дурно. Надеюсь, полегчает. Потому что сейчас мне худо. Очень худо.

И дело не в лихорадке.

Я оглядел комнату. Одеяло — сырое, хоть выжимай. От него резко пахло удушающим запахом тины, сладковатой гнилью и цветами.

На полу мокрые следы. Я заставил себя подумать: перед баней завели сменить одежду. Оттого и следы, и запах. Одеяло мокрое от пота, у меня был жар. Всё объяснимо.

На столе лежало несколько спутанных волосинок. Длинные, тёмно-русые. Я, едва проснувшись, в припадке нервного возбуждения собрал их и сложил перед собой. Волосы наверняка принадлежат местным бабам — не я один в этой комнате останавливался, а полы здесь вряд ли метут так тщательно, как в лучших столичных квартирах. Обычное дело.

Я посмотрел на запястья. Синяки. Багровые, жуткие, будто кто-то держал меня изо всех сил. Ермолай. Он тащил меня из болота, хватался за руки. Вот и следы. Всё объяснимо.

Остаётся одно. Сон.

Этот ужасный, невыносимый сон.

Я должен записать его, пока помню. Пока он не ускользнул, как ускользает утренний туман.

Сначала я услышал голос. Тот самый, что пел проклятую считалочку на болоте. Мягкий, девичий, почти ласковый. Он звучал не снаружи — внутри, в самой голове, и это было ещё страшнее. Потом запах — болотный, мёртвый. И вдруг в комнате, будто из самого воздуха, соткалась фигура.

Девушка. Лет восемнадцати, не больше. Бледная до зеленоватости, как утопленница, слишком долго пролежавшая в воде. Простоволосая — тёмно-русые, почти чёрные от влаги пряди липли к лицу, к плечам, к груди. На ней было нижнее платье белое, грязное, в бурых разводах, местами истлевшее, будто из могилы поднятое. Босая.

Она двинулась ко мне медленно, мягко, по-кошачьи. И я понял, что не могу пошевелиться. Тело моё налилось свинцом, приросло к лавке. Я мог только лежать, повернув голову в её сторону, и смотреть. Смотреть, как она приближается.

Она остановилась у самого края. После села. Прямо на меня. Я почувствовал тяжесть её тела. И холод. Он шёл от неё, как от реки в жаркий день, обжигающий, противоестественный. Она склонилась ниже, заглянув мне в глаза.

Глаза у неё были серые. Глубокие, как омут. В них не было ни злобы, ни торжества. Только печаль. Бесконечная, древняя, нечеловеческая печаль. Так смотрит само болото на тех, кто пришёл к нему умирать.

Я не могу описать в дневнике, что было дальше. Не потому, что не помню, помню слишком хорошо, каждое мгновение, прикосновение. Но слова для этого... не предназначены. Напишу только: она была везде. Её холод, её запах, её мокрые волосы на моём лице. Она то гладила меня едва касаясь, почти нежно, то вдруг сжимала горло, и я задышался. То пыталась целовать неумело, по-детски, то царапала грудь, оставляя длинные, саднящие полосы.

А я лежал и не мог пошевелить и пальцем. Только смотреть и чувствовать. И стыдно писать об этом, но мое тело, вопреки разуму, отвечало ей. Жар разливался по жилам, кровь

стучала в висках, и этот жар был страшнее её холода. Я ненавидел себя в эти минуты. И её. И ничего не мог поделать.

Теперь я знаю, что чувствует бедная лягушка, глядя на скальпель натуралиста. Не страх. Беспомощность.

Потом она просто исчезла. Растворилась, как утренний туман, и будто камень сняли с моей груди. Я вздохнул полной грудью и закрыв глаза провалился в беспамятство.

Что это было? Сон? Горячка? Бред воспалённого мозга?

Должно быть. Иначе быть не может.

Позже

Происходит что-то неладное. Я проспал почти до вечера, чувствовал себя отвратительно и напросился в баню — думал, отмоюсь, полегчает. Ермолай, увидев меня раздетым, едва дар речи не потерял. Оказалось, вся моя грудь в красных пятнах. И царапинах. Длинных и тонких.

— Комары, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — И, должно быть пиявки. Пока я лежал в трясине, они устроили себе пир. Ничего удивительного.

Он промолчал. Только посмотрел на меня как-то странно — и перекрестился.

Я сам почти поверил в свои слова. Почти. Потому что царапины...но ведь я и сам мог их оставить, укусы насекомых имеют свойство чесаться или я мог зацепиться о корягу, когда меня тащили. Все объяснимо.

Однако же все домашние меня избегают. В комнату заходят, только чтобы оставить плоску с отваром да щи. Мне большего и не нужно. Сейчас главное — спать. И сбивать жар.

Я здесь один. Совсем один.

29 июля. 1836 год

Думается мне болезнь отступила. Прошлые дни я почти не вставал с лавки. Снились кошмары — всё та же болотная трясина, пиявки размером с человека, корни деревьев, словно змеи, сжимавшиеся на моей шее, смех и гогот жаб, пророчивших мне неминуемую гибель. Жар постепенно сходил — должно быть, ивовый отвар делал своё дело.

Я не помню, когда в последний раз так болел. Кажется, пару лет назад, когда на спор с другими студентами прыгнул ранней весной в оттаявшую Неву. Слёг тогда на неделю. Выхаживал меня Андрей Генрихович. Университетский лекарь только руками разводил, да делал мне кровопускание. После трёх дней таких процедур мне, помнится, стало резко хуже, и профессор, не выдержав этого зрелища, вызвался наблюдать меня сам. Я слышал, ещё лёжа в постели, как за дверью громко спорили учёный медик и Андрей Генрихович. Кажется, лекарь вышел из этой битвы проигравшим. Больше кровопусканий мне не делали — лечили отварами. И хотя я быстро пошёл на поправку, в коридорах ещё долго не утихали шёпоты о том, как грубо вёл себя наш учитель и как странно верить в народные методы простого люда.

Придя в себя после лихорадки, я решил более не мучить семейство, временно приютившее меня и старательно выхаживавшее все эти дни, и поспешил собраться в обратный путь. Дела все назначенные я успел закончить, ископаемых нашёл, на болоте побывал, даже кое-какие записи о местной флоре и фауне остались — те, что делал в трезвом сознании, пока гулял по лесу. Да и росянка, та самая, со мной.

Вещи собрал почти все. В отсутствие Захара получилось дурно, свалил всё в одну кучу. Ну да по приезде разберусь, что к чему.

Сегодня ещё болит голова, но это уже остаточное. Заказал повозку на завтра. До того мне стыдно перед старостой, что хочу ему денег вручить — не знаю только, как подойти с таким вопросом. Дело это всегда деликатное.

Глава 4 «Возвращение»

31 июля. 1836 год

Как я и думал, в управлении меня потеряли. Встретили с крайне встревоженным видом. После того как я показал записку старосты о моём недуге, расспросы прекратились.

Выходя из канцелярии по пути к полицмейстеру для проставления отметки, я встретил Герцена. Он был несколько бледен и, кажется, виной тому была моя задержка. Отругал за отсутствие писем. Я не стал вдаваться в подробности того, что послужило причиной моего состояния, решив, что моего поступка друг не оценит, и уклончиво сослался на болезнь и тяжкое недомогание.

Добравшись наконец до дому, мне предстояло выслушать ещё один приступ негодования и бурчания — уже от Захара.

— Барин! Дмитрий Александрович! — всплеснул он руками, едва я переступил порог. — Три дня! Три дня ни весточки! Сердце изболелось всё!

— Жив я, Захар, жив. Не шуми.

Старик так эмоционально отзывался о моей пропаже, будто не было меня не три дня, а три года. Заверив его, что больше я так не поступлю и, даже будучи на смертном одре, отправлю ему весточку, он наконец отпустил меня и принялся недовольно раскладывать мои вещи.

Хочу отметить, что у меня всё-таки вышло вручить Ермолаю конверт с ассигнациями — суммарно рублей двадцать. Это значительные деньги, но, будь у меня с собою больше, я бы оставил больше. Этот человек спас мне жизнь, и я до смерти буду ему благодарен. Он долго отказывался от моего предложения и, кажется, говорил следующее:

— Не возьму, барин. Не обижай.

— Ермолай, послушай. — отвечал ему я, — Это не плата. Это для Петруньки. И для других детей твоих. Чтобы выучить их, чтобы здоровы были. Не себе берёшь — им.

Он долго молчал, мял конверт в руках. Потом прослезился, спрятал его за пазуху и, крепко обняв меня, попрощался.

Можно сказать, сегодня спокойный день для всех, кто потерял меня, и для меня самого. Несмотря на мою неприязнь к этому городу, я уже обзавёлся разными привязанностями и знакомствами. Да и Захар здесь. Я был рад оказаться в знакомой квартирке и уже жду возможности отоспаться на кровати, а не на лавке.

1 августа. 1836 год

Два часа ночи. Происходившее ранее можно назвать только безумием — не иначе.

Уснул я ближе к десяти вечера. Проспал, по всей видимости, часа четыре, прежде чем проснулся от зябкого холода, который не мог унять ничем, как бы плотнее я ни укутывался в одеяло. Глянул на окно — оно было закрыто. Но противный, пронизывающий холод пробирал почти до костей. Я сел в кровати, намереваясь достать из шкафа шинель, чтобы укрыться ею сверху.

Шинель я не достал.

Рядом со шкафом, на стуле, сидела Она — девушка из моего лихорадочного сна.

Я было опять подумал, что грежу. Но, спешно протерев глаза, понял: нет, не сплю.

Она продолжала сидеть. Выглядела иначе, чем в бреду. Волосы Её были не такие мокрые — скорее влажные. Цвет кожи — уже не зеленоватый, но по-прежнему мертвецки бледный. Платье — всё то же, грязное, но будто от времени, а не от болотной тины. И пахла она уже не гнилью, а скорее мокрой древесиной — сырым, тревожным, но не отвратительным запахом.

Не знаю, как долго продолжалось наше напряжённое молчание, но первой его нарушила Она.

— Здравствуй, мой милый, — произнесла Она.

Более слов от Неё не последовало.

— Кто ты? — медленно спросил я хриплым голосом.

— Я? — уголок её рта приподнялся в задумчивой улыбке. — Не знаю. Иные кличут меня девою болотной, «Кикиморой». Кто попроще — «девкой поганой».

— Я не понимаю... двери в квартиру закрыты, окно тоже, — я обращался не к ней, а сам к себе. — Объясни мне, кто ты? Как твоё имя? — В этот раз я взглянул девушке в глаза, пытаюсь оценить состояние её разума.

— Красивый, но глупый. Я ведь ответила уже: не знаю, кто я. Как появилась — так и есть. Знаю только, что болото, куда ты пришёл, — моё болото. И ты ввергся в него по-хозяйски. Сорвал цветок мой, будто ничего он не значит. Будто не рос он там весну и не спал под снежной шапкой зиму. Я пришла за ним. Где же он? Мой цветок?

— Какой цветок? — не сразу понял я.

В ответ Незнакомка закрыла глаза, словно вслушиваясь в звуки ночи. Затем встала и подошла к прикроватной тумбочке, где лежал мой дневник и книга — «Deutschlands Flora in Abbildungen» Якоба Штурма.³¹ Очень редкое и ценное издание, подарок матушки на моё семнадцатилетие. Она открыла книгу, пролистала до нужной страницы.

— А вот и ты. — Произнесла девушка.

Она нежно вынула цветок из книги — и больше я его не видел. Остался только рисунок.

— Расскажи мне, зачем ты сделал это. — потребовала Она.

— Сделал что? Сорвал растение? — Я окончательно проснулся и решил, что девушка эта сбежала из губернской больницы, из «отделения умалишённых», и, как-то пробравшись ко мне, сейчас пребывает в лунатизме или бреду. А на видение из моих снов она была просто похожа — мало ли юных девиц в мире с русыми волосами? Но откуда она знает про росянку и про болото... следила за мной?! Другого объяснения мой судорожно работающий ум не мог найти. Потому ощущая всем телом опасность, я отсел ближе к подушке и принялся терпеливо объяснять:

— Я сорвал его для точной зарисовки и описания. Чтобы растение не пропало в неведении и о нём стало известно миру, — максимально мягко и терпеливо объяснил я.

— Да чего? — переспросила Она, как будто искренне удивившись.

— Что — для чего? — совсем не понял я её.

— Для чего нужно, чтобы «о нём стало известно миру»? Чтобы на моё болото сунулись все кому не лень и принялись его рушить?! — Последние слова она произнесла с нескрываемой злобой.

— Ну почему же рушить? Изучать. Наблюдать. Передавать знания другим поколениям. Подумай: а если там растёт что-нибудь лечебное и оно спасет жизни? Разве это не прекрасно?

— Прекрасно? — она горько усмехнулась. — Что мне дело до ваших людских жизней? Я сохранила тебе жизнь только из жалости и любопытства.

Она резко встала и повернулась ко мне спиной.

— Знаешь, я ведь действительно собиралась утопить тебя. Твоя удача — мужик. Я его знаю. Он пару раз ходил на болото — но бережно, ничего не ломая, не срывая. Клюкву собирал, бруснику. Это я позволяю. Что птицы клюют, что вы берёте — пусть, — она оглянулась на меня, прищурив глаза и склонила голову набок. — Повезло тебе с таким знакомством. А после... после я решила глянуть: кто ты и что из себя представляешь. Давно я таких не видела.

³¹ «Deutschlands Flora in Abbildungen nach der Natur mit Beschreibungen» («Флора Германии в рисунках с натуры, с описанием») — это масштабное ботаническое издание, которое создал немецкий художник, гравёр и натуралист Якоб Штурм (Jacob Sturm, 1771–1848).

Обычно мужики на болото суются да бабки старые, кто заплутал. А ты — молодой, высокий, красивый...

Она потянулась ко мне, явно намереваясь поцеловать. От шока и смущения я вжался в подушку ещё сильнее и попробовал встать с кровати. Но тут же почувствовал холодные руки на своих и против воли вновь принял горизонтальное положение.

Я закричал, чтобы она пустила, — и хватка ослабла. Поднявшись, я накинул на себя домашний халат со стула. Негоже перед девицей, пусть и умалишённой, в одной сорочке разгуливать. Мне порядком надоел весь этот маскарад, и я твёрдо решил отвезти девушку туда, откуда она пришла.

— Так, послушай. Уже поздно. Тебя, наверное, потеряли. Скажи мне, откуда ты пришла, и я отведу тебя обратно. Как ты не понимаешь — нельзя сбежать из дома, тем более почти раздетой. На улице ночь, а ты в чужие квартиры залазишь! Да я могу сдать тебя полицмейстеру, и придётся тебе объясняться уже перед ним. Прошу тебя, скажи, куда тебя сопроводить, — сказал я, намереваясь одеться.

Но тут произошло то, что, к сожалению, я не могу — и уже никогда не смогу — оправдать никакими разумными объяснениями.

Лицо девушки в минуту потеряло всё юное очарование. Пальцы словно стали в разы длиннее, волосы зашевелились, будто живые, и вся она словно увеличилась в размере. В комнате резко запахло тем самым запахом — тиной, гнилью, чем-то древним, мёртвым.

— Так ты всё ещё не веришь? Думаешь — сказки, ерунда? Думаешь — наваждение, сон? Что же, видно, придётся мне завершить начатое, — прошипела Она.

Она резко, будто подлетев, оказалась рядом и сомкнула руки на моей шее. Я потянулся было руками, чтобы ослабить хватку, — но это оказалось ровно что пытаться кочергу скрутить в колесо. От резкого головокружения и нехватки воздуха подкосились ноги, и я упал на колени; Она — вместе со мной, всё ещё не разжимая рук. Перед глазами поднялась пелена, и снова, как на болоте, мысли потекли прочь, как песок сквозь пальцы.

Прошла, казалось вечность. Я уже думал — всё, часы мои сочтены. Но внезапно Она просто растворилась в воздухе. Будто и не было Её.

От потери равновесия я повалился на пол, больно ударившись головой и закашлялся. Кашель был такой, что меня выворачивало наизнанку. Горло горело огнём. Я пытался вдохнуть — и не мог: воздух застревал где-то на полпути, и я снова заходиллся кашлем.

На шум в комнату вбежал встревоженный Захар.

— Барин! Дмитрий Александрович! Что стряслось-то? Упали? Ушиблись?

Я хотел сказать: «Воды», — но вышло только сипение. Голос пропал. Совсем. Я указал на горло и на кувшин.

Он помог мне подняться, принёс воду. Глотать было больно, каждый глоток давался с трудом и вызывал новый приступ кашля. Я сидел на полу, хрипя и кашляя, и чувствовал, как по лицу текут слёзы — не от боли даже, а от беспомощности. Захар метался, причитал, хотел бежать за лекарем. Я остановил его жестом. Что я скажу лекарю?

Постепенно мысли вернулись, сознание тоже.

Лучше бы оно не возвращалось...

Я, очевидно, схожу с ума. Объяснить такое я не могу ничем. Я точно помню: Она растворилась в воздухе. Разве могут люди растворяться в воздухе? Насколько я помню, о таком нам в университете не рассказывали.

Да и руки Её... То ли я столь слаб, то ли Она не человек. Последнее приводит меня в ужас. Если не человек, то кто же? Я схожу с ума. Или мир устроен иначе, чем я думал. Не знаю, что страшнее.

После раздумий, которые ни к чему не привели, я решил, что лучшим будет попытаться заснуть. А завтра, на свежую голову, ещё раз перечитать свои записи. Может, тогда я найду ответ.

2 августа 1836 год

Спал плохо. Совсем не выспался. Проснулся от собственного кашля — сотрясающего всё тело. Горло саднило, будто я наглотался битого стекла. Фиксирую страшную находку.

Лёжа в кровати и прокручивая в голове события ночи, я утешал себя только одной мыслью: это был сон. Просто сон. Чудесная, спасительная гипотеза. Она разбилась вдребезги об отражение в зеркале.

На шее — жуткие, багровые синяки. Словно кто-то держал меня мёртвой хваткой.

Я подумал, может, это грязь? Всеми оставшимися кусочками разума я цеплялся за эту мысль. Пробовал отмыть мыльной водой. Тёр до боли. Ничего не вышло. Синяки только проступили ярче.

Показал Захару — в надежде, что у меня просто галлюцинации. Зачем я это сделал? Старик в ужасе. Выпытывает, что случилось, а я и сам не знаю, что случилось. Сказал ему какой-то бред — мол, от укуса пиявок. Такое бывает. На болоте. Захар, кажется, поверил. Или просто сделал вид. Я не знаю.

Горло болит. Голова тоже — на затылке, кажется, шишка. Полагаю, когда падал на пол, приложился. И колени содрал...

Не хочу об этом думать. Не могу.

Пора идти на службу. Нынче надобно предоставить отчёт, списки и прочие документы, которыми я занимался в поездке. Займусь делом. Может, отпустит.

Вечер

Сегодня был отвратительный день. Даже не знаю, с чего начать запись.

Голос до сих пор не вернулся. Говорил с чиновниками почти шёпотом, чем вызвал у них явное недоумение.

В канцелярии всё валилось из рук. Пребывая в помутнённом состоянии, невыспавшийся, при переписывании бумаг я наставил столько чернильных пятен, сколько не оставлял, наверное, лет с семи. Испортив уже с десяток страниц, меня мягко попросили оставить эти дела и заняться сортировкой архива.

Здесь я тоже успел наделать шуму. Когда переносил груды бумаг из одного кабинета в другой, задумавшись о прошлой ночи, я ударился ногой об стол и рассыпал все листы. После такого меня и вовсе отпустили домой пораньше, списывая моё состояние на остаточное проявление болезни.

По счастью или нет, в коридоре я встретил моего друга. Он, заметив моё нервное состояние, искренне обеспокоился и вызвался сопроводить меня до больницы. По правде говоря, я туда и собирался, так что с радостью принял его предложение. Некоторое время мы шли молча, но я был в таком сильном смятении духа, что решился спросить его аккуратно про «местные сказки» простого люда. Начал я издали.

— Послушай, ты ведь занимаешься статистикой? Я слышал, через тебя проходит много... курьёзных случаев.

— Oui, mon ami³². Знал бы ты, до чего это нудная и бесцельная работа — вести статистику. Но иногда, да, бывает дело, что вызовет горькую улыбку, да и только. Интересно, что-то конкретное?

³² Да, мой друг (пер. с французского языка).

— В общем-то, и да, и нет. Расскажи, слышал ли ты что-нибудь о местных поверьях крестьян? Может быть, какие-то сказки, жалобы? - Я не договорил, горло перехватило, и я закашлялся. Герцен остановился, встревоженно глядя на меня.

— Ракитский, да на тебе лица нет. Что случилось с голосом?

Я отмахнулся, продышался. Кашель отступил, оставив после себя саднящую боль.

— Право, пустяки. После болезни в деревне еще не долечился.

— Ну хорошо. Такого я слышал много, слишком много, чтобы уже потерять к этому всякий интерес. Говори прямо, помогу чем смогу.

Я выдохнул и решился спросить.

— Кикиморы? «Девы болотные», утопцы? Есть ли какие-то сведения об этом? Быть может... реальные случаи?

Последнее я сказал очень тихо не столько из страха, сколько из-за того, что мой голос начал сдавать. Герцен не расслышал меня, и пришлось повторить.

— Утопцы? Кикиморы? Ты меня удивляешь, мой друг, видно, болезнь совсем поменяла твой нрав. Перечитал на ночь Гоголя? Признавайся! Куда вы незнакомец, дели Дмитрия Ракитского? — Он рассмеялся и, видя, что я шутку не оценил, продолжил. — Хорошо, если серьёзно, дай же подумать... Кикимора, Ракитский? Изволь, я расскажу, что это такое на самом деле. Лет сорок назад, в девяносто восьмом, в Орловской округе, в доме крестьянина объявилась «кикимора». Горшки била, посуду с печи швыряла, а главное — предсказывала. Да так ловко, что к ней со всей волости шли: кто деньги пропавшие искал, кто судьбу пытал. И всё бы ничего, но за предсказания эти крестьяне несли ей яйца, мёд, хлеб и деньги. Кончилось тем, что комиссар объезжая те места, заподозрил неладное. И что же выяснилось? А то, что «кикиморой» была сама хозяйка. Она с соседкой сговорилась, голос меняла, людей морочила. На допросах сперва плела про «призраков», а после призналась: всё ради наживы. Муж её и свекровь то ли не знали, то ли покрывали — теперь уж не разобрать. Вот вам и вся «кикимора», друг мой. Не нечисть, а баба хитрая да жадная. 33³³

Я молчал. Да и что мне было ему ответить? Моя «Кикимора» не была мошенницей. Она была реальной. Реальной — до синяков, из-за которых я, к слову, и направился в больницу. После истории, которую мне поведал Герцен, я не мог более выносить его общества. Мне сделалось дурно, и сославшись на плохое самочувствие, боязнь заразить его, мы расстались на полпути.

В губернскую больницу я пришёл с одной целью — выяснить у врача происхождение моих пятен на шее. У меня ещё оставалась хрупкая, призрачная надежда на то, что я сам озвучил Захару.

Дождавшись своей очереди, я вошел в кабинет. Врач говорил с явным шведским акцентом — видно, из тех, кого занесло в Вятку после войны с Наполеоном или ещё раньше. Маленький, суетливый, в очках почти как у профессора.

— Проходите, сударь, присаживайтесь. Извольте рассказывать, что у вас за беда. — Он почти не смотрел на меня, параллельно быстро что-то записывая на листок, то вычёркивая, то подчёркивая, то, кажется, снова зачёркивая. Прошло минуты две, прежде чем он подошёл ко мне, и я трясущимися руками развязал шейный платок.

— Мне хотелось бы знать происхождение этих пятен. Они проявились сегодня утром. Быть может, сыпь?

Врач наклонился, долго смотрел, потом перевёл взгляд на мои запястья. Лицо его вытянулось.

³³ «Дело о Вятской кикиморе» — реальное уголовное дело 1798 года, которое хранится в Государственном архиве Кировской области. Это первый в истории России случай, когда на скамье подсудимых оказалась «кикимора».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.